

ЯН БАДЕВСКИЙ

ЛИМБ

ДРАКАР

Преддверье

Ян Бадевский

Лимб

«Автор»

2024

Бадевский Я.

Лимб / Я. Бадевский — «Автор», 2024 — (Преддверье)

Зверь ищет своего хозяина, отправляясь в ментальные путешествия по чужим мирам. Девочка взрослеет и обретает небывалую мощь, но ей нужен Наставник. Странствующий посредник хочет попасть в Безымянный Скит, потому что уверен – это единственный шанс спасти Землю, которая находится в шаге от уничтожения. А тут еще появляется новый враг... Впрочем, Ольгерда рано сбрасывать со счетов. Мастер ножей сумеет выжить в мире Посторонних. Знающий-на-Перекрестках найдет решение проблемы, с которой люди не могли справиться несколько тысячелетий.

© Бадевский Я., 2024

© Автор, 2024

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1. МАГЕЛЛАНЦЫ. Глава 1. Зверь без хозяина	8
Глава 2. Мастер без зверя	12
Глава 3. Троеморье	18
Глава 4. Астлахан	23
Глава 5. По ту сторону всего	29
Глава 6. Дорога для двоих	35
Глава 7. Тшуммех	41
Глава 8. Всплывающие подсказки	47
Глава 9. Риордан	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ян Бадевский

Лимб

ПРОЛОГ

Ветер пригибал сухую траву. Шуршал желтыми песчинками там, где пустыня встречалась со степью. Песчинки объединялись в потоки, струились среди жухлых островков, огибали камни, бетонные плиты и устремившиеся в небо штыри.

Обширные безжизненные пространства.

Некошеные травы, руины и недостроенные здания, разбросанные на десятки и сотни километров. Земли настолько безлюдные, что некому даже вспомнить значение слова «километр».

Фрагменты стен, обнажившаяся кирпичная кладка. Вписанные в серое небо арки и дверные проемы. Ярусы этажей, связанные между собой однотипными лестницами. Не здания, а клетки. Безликие и бессмысленные.

Нет людей.

Нет зверей.

Спокойствие склепа.

Крылья ветра расправлялись над миром, гнали серость по небосклону, пытались разрушить то, что некогда принадлежало человеку.

Тщетно.

Потому что ветер был лишь иллюзией. Видимостью движения во вселенной остановившегося времени. А у застывшего в янтаре хронопотока, как известно, нет власти. В этой реальности даже пыль была вечной.

Тень движения.

Над кривобокой стеной, ощерившейся кирпичными уступами, возникла точка. Черная точка, нарушающая все мыслимые законы гравитации. Точка расширилась, превратившись в шарообразный объект, размерами сопоставимый с головой котенка. Объект сверкнул шестигранными элементами обшивки и стал матовым. В структуре отразились искаженные облака, руины внизу и линия горизонта, разделившая мир пополам.

Грани начали раскладываться, умножаться, придавать объекту новые очертания. Считанные мгновения. Казалось, невидимое божество скомкало черный лист бумаги и вышвырнуло на свалку за ненадобностью. Вот только лист ожил, с ним начали происходить невообразимые изменения. Объект быстро разросся, превысил габаритами собаку, затем – карету. Еще миг – и над степью зависла сложная стереометрическая фигура, сопоставимая по размерам с многоэтажными домами Старой Земли. Люди сведущие отметили бы сходство объекта с тетраэксаэдром. А если бы вдруг на древние руины забрел странник из *дооткатной* эпохи, то он, не задумываясь, сказал бы, что видит космический корабль в поле переменной геометрии. Такие корабли способны взламывать подпространство и преодолевать немислимые межзвездные расстояния, сказал бы странник. Впрочем, усмехнулся бы случайный прохожий, это же сказки. Подпространство лежит в области гипотетических построений. Игра ума, ничего более.

Тем не менее, над степью висел корабль.

Обшивка продолжала редактировать себя, тусклый свет преломлялся в идеальных изломах. Внутри что-то пульсировало, распространяя волны искажений по внешней оболочке.

Корабль пришел в движение. Поплыл над степью и руинами, замещая собой пространство. Иллюзия продлилась совсем недолго, и вскоре объект перешел в нормальное состояние, перестал нарушать своим присутствием местные законы физики.

Замещение превратилось в полет.

Тетрагексаэдр сплюснул себя, отрастил крылья, приобрел обтекаемую форму. Усовершенствовался. И стал набирать скорость, отбрасывая узкую тень на колышущиеся травы. Сторонний наблюдатель сказал бы, что объект сорвался с места и бесследно исчез. А пассажир корабля отвернулся бы от панорамных экранов, демонстрирующих смазанные от движения ландшафты.

Корабль молниеносно переместился в иную точку пространства, отстоящую на тысячи километров от покосившейся кирпичной стены. И намертво вмерз в клубящийся серо-стальной небосклон. Внизу расплескалось мелкое море, омывающее островки с вездесущими руинами. Штиль сковал этот фрагмент реальности бессрочным оцепенением. Море было прозрачным, под его поверхностью просматривались пучки водорослей, отвалившиеся от островных кладок кирпичи, обломки колонн и портиков, поросшие ракушечником остовы неведомых машин. Полуразрушенные архипелаги мрачными скоплениями тянулись во все стороны, порождая первобытный хаос. Воздух представлялся застывшим киселем, по которому можно плыть, и плыть, и плыть. Стремясь за край земли...

Объект сменил конфигурацию.

Взрыв изменений, проникновение в контекст окружающего. Резкое схлопывание, сжатие до размеров сингулярности.

Исчезновение.

Если бы внутри корабля находился пассажир, он бы увидел иные декорации. Вместо неподвижного моря и рукотворных островков – космическую тьму. Вместо клубящейся серой мути – россыпи немигающих звезд. А на одном из центральных экранов – голубой диск Земли. С зелеными континентами, коричневыми горными вставками, белыми спиралями атмосферных фронтов.

Корабль вышел на низкую околоземную орбиту, пересек линию терминатора и оказался на ночной стороне планеты. Траектория была рассчитана таким образом, чтобы провести аппарат над Западной Европой – там, где разрослись самые густонаселенные районы Стимбурга.

Мегаполис был огромен, он простирался от Атлантики до Урала, от Северного Ледовитого океана до Средиземного и Мраморного морей. Всюду – огненные россыпи. Лучшее всего были подсвечены промзоны, Треугольник, Вычислительная Фабрика и территории, примыкающие к Дверной Площади. Впрочем, эти детали не просматривались с орбиты без средств увеличения.

Корабль начал снижаться, приняв оптимальную форму для торможения в плотных слоях атмосферы. Переменное конфигурационное поле надежно защищало обшивку от перегрева. Безынерционные двигатели позволили сбросить высоту с пятисот километров до трех метров за считанные доли секунды.

И замереть в гуще старого парка.

В сердце Квартала Иллюзий.

Черные тени легли на пешеходные дорожки, усыпанные палой листвой чаши фонтанов, кованные скамейки и причудливо изогнутые фонарные столбы. Ночное небо было пронзительно ясным, как это бывает в середине сентября. Луна выбеливала перила моста, переброшенного через узкий гранитный канал.

В столь поздний час по парку уже никто не прогуливался. Даже завсегдаи аристократических клубов отправились по домам в поисках обрывочных сновидений.

И лишь один человек ждал прибытия корабля.

Человек этот жил в Стимбурге на протяжении последних четырех тысяч лет. Наблюдал, не вмешиваясь. Скользил по краю политических течений, войн и заговоров. Не помогал, но и не мешал.

Таких, как он, называли Демиургами.

Ушедшими творцами.

ЧАСТЬ 1. МАГЕЛЛАНЦЫ. Глава 1. Зверь без хозяина

Над Миядзаки умирали звезды.

Рассветная волна захлестнула небо, состарила луны, отодвинула за грань мрачную бездну. Океан лениво ворочался внизу, просыпаясь от тысячелетнего сна. Лунные дорожки поблекли, горизонт разрезал тьму надвое. И лишь силуэт одинокого лохматого зверя служил проводником между двумя стихиями – воздухом и водой.

Жители пристенного города поначалу обходили дом Навсикаи стороной, затем привыкли. По ночам здесь можно было встретить громадного белого рлока, улегшегося на плоской крыше в шести локтях от тропы. Рядом чернел квадратный провал распахнутого настежь люка. Хозяева откидывали крышку не полностью, выставляли подпорку. Слишком массивной была эта крышка, собранная, как и весь дом, из цельных ятобовых досок. Что касается рлока, то зверь внушал небесным обитателям почти суеверный ужас. Жуткие легенды ходили об этих существах – как на Тверди, так и по парящим в вышине Скитам. Дескать, вторгаются в сны, пожирают слабые души людей и животных...

Испокон веков чудовища сопровождали в странствиях мастеров ножей. Если погибал мастер, уходил из мира живых и его питомец. Все знали, что Рык принадлежит Ольгерду – живой легенде, Знающему-на-Перекрестках. С Ольгердом что-то случилось в Предельных Чертогах, он так и не сумел вернуться домой. Да и где его дом? Поговаривали, что неподалеку от Ламморы, в забытой богами деревушке. Если мастер и бывал на Атолле Миядзаки, то редко, наскоками. Всегда гостил у Брины и Навсикаи, жуткую зверюгу запирал в пещере на нижних этажах конструкции.

А что теперь?

В доме – странные постояльцы. Навсикая выросла, изменилась до неузнаваемости. Из веселой девочки превратилась в нескладного подростка. Одевалась дочь потомственных торговцев в серую хламиду наподобие тех, что носили мастера из Гильдии Ольгерда. Вела себя замкнуто, с соседями не общалась.

Вторым жильцом стала Мерт, жена пропавшего мастера. Поговаривали, что у женщины темное прошлое. Люди сведущие уверяли, что Мерт и Навсикая учинили лютую бойню в Тарросе. Что именно там произошло, никто не знал, но слухи ходили один страшнее другого. То ли Мерт пересеклась с одним из хошанских кланов убийц, то ли с небесными ассасинами. Выжила чудом. И решила пожить у Навсикаи, прихватив с собой рлока.

Такие дела...

После войны с Пацифидой уже ничему не следует удивляться. Вековой уклад рухнул, беспризорные хищники разгуливают где ни попадя.

Рык никого не трогал.

Вечером пробирался на крышу, укладывался на остывающих проконопаченных досках, да так и сидел всю ночь. Взгляд у зверя был отсутствующий, словно он пребывал где угодно, только не в Преддверье. Иногда на крыше появлялась Мерт. Садилась поодаль и молча смотрела на Океан. Хищник на новую хозяйку не реагировал – между ними сложились доверительные, но весьма прохладные отношения.

Никто не мог заменить Ольгерда.

Каждый из них тосковал по-своему. Порой человек и зверь обменивались образными слепками. Знак взаимного уважения. Рык позволял себя кормить, мог пройти с женщиной на рынок или еще куда-нибудь. Выгуливать машину смерти не требовалось – хищник научился справлять свои потребности на отдаленных террасах пристенного города – там, где местные жители устроили свалку старых вещей.

Дни срослись в однообразную серую ленту.

Каждый обитатель дома замкнулся в персональном аду.

Навсикая тяжело переживала смерть Хрума – юного рлока, которого ей некогда подарил Наставник Вячеслав. Глубинная связь между рлоками и мастерами ножей приводила к невероятной боеспособности пары. Однако выпавшее звено приводило к печальным последствиям. Звери тосковали, отказывались есть, теряли ментальную силу и в итоге умирали. Мастера погружались в пучину безысходности. Далеко не все могли справиться с подобными проблемами. Рлок был не просто питомцем или другом – для многих мастеров он становился единственным живым существом, которому стоило доверять.

Навсикаю из пропасти вытащил брат.

Первым делом Брин взял увольнительную на браннере Коэна и поспешил в Таррос. Там он разыскал Мерт, Навсикаю и прикованного к постели Вячеслава. Дни были суровыми, переполненными яростью и отчаянием. Брин неотступно следовал за сестрой, не позволял ей творить глупости. И это помогло.

К обучению в Гильдии Навсикая так и не вернулась. Лишившись Хрума, взрослеющая девочка утратила цель. Она больше не понимала, зачем ей становиться величайшим из мастеров. Кому это нужно – ей или Внутреннему Кругу? Чего хочет именно она – вчерашний ребенок, лишившийся самого близкого друга и родителей? Вряд ли руны и клинки сделают ее счастливой...

Рык снова сидел на крыше.

Он не хотел умирать, потому что чувствовал – хозяин жив. Ольгерд ушел очень далеко, за пределы любых миров и измерений, которые зверь мог себе представить. Вот только связь оказалась настолько прочной, что отголоски эмоционального фона хозяина смутно улавливались его питомцем. Ничего конкретного. Зверь чуял, что Ольгерд цел и невредим – это всё, что ему следовало знать. Оставалось лишь нащупать тропу, которая приведет рлока к мастеру ножей. И отправить свой разум в путешествие. Возможно, Ольгерд нуждается в помощи, не может отыскать дорогу домой.

И Рык не останавливался.

Каждый вечер, в любую погоду, зверь поднимался на крышу пристенного дома, укладывался на жесткой черепице и уходил в пограничное состояние, позволявшее видеть невидимое. Рык бродил по краю чужих сновидений, соскальзывал в полупрозрачные потоки, связывающие Храмы с Дверьми, учился проникать во Внемирье. Раньше они с хозяином проделывали нечто подобное – запускали свои души на другой континент. Рык вселялся в сны Ольгерда, а в критический момент сумел выбраться на палубу «Мемфиса».

Он должен вспомнить.

Должен попасть туда, где его ждет друг.

Первые дни Мерт и Навсикая не понимали, что происходит. Дом из ятобы был врезан в отвесный утес, служивший стеной Атолла Миядзаки – летающего над планетой островка, управляемого одним из небесных кормчих. Ятоба – невероятно дорогая и твердая порода. Ходили легенды об умельцах, которые вытаскивали из этой древесины клинки, остротой и прочностью не уступающие стали.

Сердцевиной дома служил древесный столб, выросший двумя концами в каменные выступы. Неведомый архитектор нанизал комнаты-блоки на этот стержень, а также позаботился о креплении к отвесной скале. Конструкция была оснащена террасой, канализационной и трубопроводной системами, а также винтовой лестницей, вьющейся вдоль центрального столба. Лестница упиралась в люк, служивший обитателям дома входной дверью. С крыши Мерт и Навсикая попадали на узкую каменную тропу с ограждением, по которой можно было подняться выше – туда, где простирались старые кварталы Миядзаки.

Однажды Мерт заметила, что Рык поднимается на верхние ступеньки лестницы и подолгу сидит, всматриваясь в крышку люка. Поначалу женщина решила, что рлок нуждается в выгуле.

Муж часто бродил со зверем по ночной Ламморе, задерживаясь у набережной реки или выходя за пределы города – туда, где зверь мог побегать, не опасаясь перепугать до смерти горожан. Мерт открыла люк и попыталась вывести зверя на горную тропу, но Рык хотел не этого.

Оказавшись на крыше, зверь успокаивался, ложился на черепицу и отвлекался от всего происходящего. В реальности пристенного города оставалось лишь тело – живое, дышащее, но безучастное ко всему.

Когда дул порывистый ветер, белая шерсть рлока топорщилась, но хищник продолжал пребывать в своих мирах. Когда дождь заливал крышу, а вода редела в водостоках, Рык сидел на прежнем месте – не двигался, не реагировал, не пытался укрыться от непогоды. В такие ночи Навсикая поднималась наверх и захлопывала крышку люка, чтобы ливнем не затопило дом. Утром девочка поднималась наверх и заставляла зверя в прежнем положении. Иногда Рык спал, свернувшись калачиком. Навсикая долго смотрела на хищника – по ее застывшему лицу сложно было что-то определить. Если дождь прекращался, девушка оставляла люк открытым и спускалась в свою комнату.

Солнце поднималось над океанской гладью, отражалось в окнах пристенных домов, прогоняло утреннюю серость. Люди выходили на террасы, открывали двери и люки, тихо переговаривались на кухнях. Готовились завтраки и душистые травяные отвары. Докеры воздушной пристани возвращались домой после ночной смены. Кто-то поднимался по скрипучим ступенькам крытых пролетов или карабкался по перекладинам веревочных лестниц. Хозяйки стремились попасть на рыночную площадь, чтобы добыть свежих продуктов к столу.

Город просыпался.

Взгляд Рыка становился осмысленным. Зверь лениво ворочался, осматривал свои владения, косился на солнечный диск. Выпрямлялся и потягивался. Прохаживался по черепице неспешной кошачьей походкой. И бежал окольными тропинками на дальние уступы, чтобы справиться нужду и размять мышцы.

Рлоки легко взбираются на деревья и отвесные карнизы, хотя это и кажется невозможным при их массе. Когти у тварей длинные, мощные. Хищники, подобные Рыку, изначально обитали за полярным кругом – в краю скалистых фьордов, льда и снега. Когти у сородичей Рыка были втяжными и невероятно острыми. Дерево, ледяной скос, каменная расщелина – для удержания равновесия годилось всё.

Когда зверь мчался по террасам Гильдии или крышам городских кварталов, он был подобен белой молнии, которую невозможно остановить. Ветер свистел в ушах, забирался под шерсть, приносил ощущение свежести и свободы.

В такие минуты Рык забывал о своем одиночестве.

Атолл Миядзакки наполнял его жизнь необычными видениями, звуками и запахами. Первые ментальные вылазки Рык делал на окраины чужих видений, стараясь не пугать горожан и не вторгаться в сферу сокровенного. Он не охотился – мастер запретил это делать много лет назад. И рлок честно придерживался взятых на себя обязательств.

Он возвращался домой, когда солнце, отлипнув от горизонта, освещало каждую впадину в отвесной скале, каждый откос крыши, трубы и пристройки, лестницы и металлические перила. Нырлял в квадратное отверстие, спускался по спиральной лестнице и задерживался на уровне кухни. Втягивал ноздрями запахи готовящейся еды. У очага хозяйничала Навсикая – она с детства любила готовить и находила в этом занятии своеобразное утешение. Пепельные волосы, как и прежде, растрепаны. Просторные штаны и рубаха не сковывали движений. Руки юной ученицы Вячеслава сновали над кастрюлями и сковородами, что-то нарезали, высыпали, помешивали. Механические действия, позволявшие не задумываться над прошлым и будущим. Только текущий момент, ничего сложного. Рык понимал Навсикаю – она потеряла своего питомца. Между ними много общего, и от этого становилось еще больше. Рык чувствовал, что

никто из мастеров Гильдии не заменит ему Ольгерда. А девушка ни на что и не претендовала – ей просто был нужен Хрум. И никто, кроме него.

Мерт заперлась в своей комнате, чтобы поупражняться с мечами. Жена Ольгерда теперь тратила на это занятие большую часть своей жизни. Навсикая и Вячеслав вырезали весь ее клан, так что бояться было некого. Но Мерт постоянно к чему-то готовилась. Будущее не вселяло в нее оптимизма. Коэн сказал, что Земля может быть уничтожена Демиургами. Если с Сетью что-то произойдет, магия перестанет работать. Наступит хаос, в котором потребуется выжить. А всё, что нужно для выживания на Преддверье – это мастерское владение мечом.

Ты или тебя.

Вот чему Мерт научилась в Тарросе.

Чуткий звериный слух улавливал свист рассекаемого лезвиями воздуха. Мерт скользила по половицам бесшумно – ни одна доска за всё время не скрипнула. Этому искусству ее научили в додзё. По-своему Рык восхищался воинами-людьми, но величайшим из всех бойцов считал своего хозяина.

Ароматы жаркого рлоку не нравились. Он не мог взять в толк, зачем вообще понадобилось портить великолепное, истекающее кровью и соками, свежее мясо. Именно такое Мерт и приносила ему в *зимнюю комнату*, наколдованную Вячеславом. Хуже поджаристой мясной корки, по мнению хищника, не было ничего. Разве что зелень и специи, которыми люди посыпали все свои блюда.

Продолжив спуск, Рык попадал в нижнюю комнату, служившую основанием врезанной в скалу конструкции. Здесь осевое бревно входило в горную породу. И здесь же открывался вход в заснеженную пещеру, служившую временным обиталищем для рлока.

Зверь переступал порог пещеры.

И с наслаждением вдыхал морозный воздух крайнего севера. Под лапами хрустел снег. У *далекого* горизонта громоздились изломанные ледяные торосы, а солнце было тусклым и безжизненным.

Рык понимал, что горизонт – фальшивка.

Но радовался заботе, проявленной людьми.

Глава 2. Мастер без зверя

Под утро ее разбудили громовые раскаты.

Навсикая почувствовала, что мерзнет. Укуталась в плед, но это не помогло. Ветер насквозь продувал комнату, хлопал ставнями, трепал занавески на окне. Изредка пространство сотрясал чудовищный грохот.

Молния выхватила из черноты низкую кровать с испуганной девочкой. Пол расчертился дощатыми линиями, предметы отбросили резкие тени. Из небытия выступил дверной прямоугольник.

Ночь выдалась безлунной.

Редкое явление, такое раз в четверть века бывает. Шен, Торнвудова Луна и Паломник – все три светила скрылись за звездным пологом, погрузив бескрайнюю водную гладь во мрак. И лишь всполохи молний озаряли небеса фиолетовыми зигзагами.

Навсикая поднялась с кровати, поплотнее завернулась в плед и осторожно приблизилась к окну. Ветер растрепал волосы девочки, пробрал до самых костей. Похоже, Атолл Миядзакки маневрировал, поднимаясь над грозовым фронтом. Выскерки врубались в полотно реальности *снизу*, там же громоздились плотные скопления туч. Девочка подумала о Рыке – сегодня зверь не промокнет, спасибо кормчему. Дождь обрушится вместе со штормом на Океан, поглотит исполинские валы, выдвинет из глубин первобытный ужас, перед которым трепещут даже самые смелые мореплаватели. Но здесь, на странствующем среди звезд куске скалы, всё будет тихо и спокойно.

За исключением ветра.

Его не унять.

Девочке вдруг захотелось выбраться на террасу, сесть на скрипучие доски и погрузиться в глубокую, всеохватывающую медитацию. Странное желание. Такого с Навсикаей не случилось уже много недель. Она думала, что утратила связь с Гильдией, отказалась от своего предназначения. Путь мастера – это путь страданий. Хоть Наставники и утверждают обратное. Ты отказываешься от своей семьи и друзей, посвящаешь каждую свободную минутку тренировкам, чтению древних манускриптов, медитациям, пробежкам и общению с рлоком. А потом мироздание забирает у тебя питомца. Разве это не страдание? Вот Вячеслав ходит по земле, учит послушников, стережет Двери и что-то непрестанно записывает в свой дневник. И живет неплохо, надо сказать. По нему не скажешь, что жизнь утратила смысл и больше не к чему стремиться... Надо будет спросить, как ему это удается.

Навсикая прикрыла ставни.

Щелкнула задвижкой.

Ветер утихомирился, комната окуталась тишиной. Звезды еще пытались пробраться в безопасную трубу спальни, но их свет перестал быть таким колючим. Стекло дребезжало под напором воздуха.

Перед пробуждением Навсикая видела сон. Подробности растворялись, уползали в щели подобно щупальцам утреннего тумана. Вроде бы девочка переступала порог своей кельи на террасах Гильдии, осматривалась и понимала, что всё лежит на своих местах. Стены покрыты изречениями мертвых мастеров, рядом с черной пастью камина сложены дрова.

Вот они – свеча и шарики.

В келье Навсикаи стояли огненные часы. Вячеслав однажды объяснил ей принцип работы этого механизма. Свеча лепится из древесного порошка, смешанного с благовониями. Получается красивая ароматическая спираль, которая может гореть месяцами без участия человека. На спирали крепятся металлические шарики – падая в фарфоровую чашу, они издадут громкий звук и будят послушника. Келья наполнена приятным расслабляющим запахом – то ли

пихта, то ли роккевениумский кедр... Помнится, Вячеслав с улыбкой добавил, что у Ольгерда на подоконнике стоял более примитивный будильник.

Навсикая чуть не расплакалась, увидев *свою* келью.

Пыльную, заброшенную, никем не занятую. Юная послушница тут же принялась за уборку. Распахнула окно в холле и дверь в прихожей. Поднялась по узкой лесенке в спальню, затем – к люку, ведущему на плоскую крышу. Отбросила массивный квадрат, впустила в дом чистые горные сквозняки...

Дальше – каскад обрывочных образов.

Ножи, летящие по заданным траекториям. Спарринг с неизвестным мастером, лицо которого не удалось запомнить. Медитация в утренней серости. Исполинские тени пиков, протянувшиеся через всю цепочку террас. Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне...

Подготовка к чему-то.

Навсикаю уже давно не посещали видения из будущего. Словно закрылась неведомая дверь, впускающая разум в бездонный колодец неведомого. Закрылась, захлопнулась, а ключ выброшен на самое дно Океана.

И вот она – потайная калитка.

Скрипит, отворяется.

Манит обещанием пути.

Навсикая видит себя идущей сквозь звездные россыпи в сопровождении мохнатого белого рлока – не своего, Ольгердова. Видит осколки иных миров, прозрачные потоки, связывающие Храмы Демиургов и Небесные Скиты. Видит дали, о которых раньше не смела и мечтать...

И в этот миг раздается удар грома.

Тот самый, что выдернул Навсикаю из мутного течения то ли пророчеств, то ли несбыточных грез.

Чтобы попасть на большую террасу, ей надо отворить дверь, спуститься на один виток по спиральной лестнице центрального столба и зайти в комнату Бриана. Еще ниже располагалась гостиная, где много лет назад жил Ольгерд. Сейчас эта комната пуста. Для Навсикаи – слишком много пространства. Для Мерт – слишком болезненные воспоминания. А Бриан... У Бриана есть дела поважнее, чем гостить в старом родительском доме на отвесной стене Атолла Миядзаки. Бриан путешествует на «Мемфисе» с Коэном в поисках Безымянного Скита.

Навсикая всё же сделала это.

Тихонько подкралась к двери, вслушиваясь в звуки спящего дома, и потянула на себя ручку. Каждый шорох, каждый вздох и скрип еще вчера показались бы ей за пределами громкими. А сегодня дом захлестнуло грозой, накрыло ветром и холодом.

Ступеньки из полированной и покрытой лаком ятобы приятно согревали босые ноги девочки. Ей не нужно было зажигать свечу или лампаду, запускать под потолок световую руну или стоять, принаравливаясь к затопившей дом черноте. Навсикая провела тут детство, она могла с завязанными глазами выйти хоть на веревочную тропу, ведущую в старый город, хоть на узкую галерею, выходящую по нижнему периметру дома.

Левая рука легла на перила.

Вниз, туда где уютный мирок родительского дома встречается с распахнутым настезь Океаном.

Терраса встретила ее шквальным ветром, морской свежестью и непередаваемым запахом грозы, бушевавшей среди туч. Похоже, кормчий перестал набирать высоту. Атолл скользил в пятистах локтях над клубящейся мглой, двигаясь к ближнему краю грозового фронта. Солнце несоро поднимется над горизонтом, так что времени предостаточно.

Навсикая проснулась с твердым намерением.

Разобраться в себе.

Склеить осколки души, посмотреть в будущее и принять его. Стать полноценным человеком, а не бледной тенью.

Девочка уселась в центре террасы.

За ее спиной громоздились вверх бесчисленные ярусы пристенного города. Хлипкие домишки бедняков, крытые галереи, врезанные в скалу тоннели, веревочные и деревянные лестницы. Массивная туша Атоллы жила собственной жизнью. Древняя магия удерживала Скит в воздухе, приковывала его незримыми узами к Храмам и Дверям, мешала развалиться на части. Сквозь порталы из иных миров прибывали люди и нелюди, торговцы и чернокнижники, маги и воины. По трубам струилась вода, урчали неведомые механизмы, подвластные железной воле кормчего. А впереди простиралась пугающая бесконечность. Необъятный мир, который, Навсикая теперь это знала, сулит маленьким девочкам лишь боль от утраты и ощущение безысходности.

Впрочем...

Что-то изменилось.

Навсикая устроилась поудобнее. Плед согревал плечи и босые ноги, дарил крупницы тепла ребенку, осмелившемуся бросить вызов ревущему шторму.

Снова – ветвящийся фиолетовый зигзаг.

Далекий раскат.

Волосы растрепались на ветру, закрыли половину лица. Неважно. Послушница закрыла глаза и нырнула в изменчивое русло неосознанности – так, словно делала это каждый день. Навыки, вбитые на террасах в головы учеников, не пропадают бесследно.

Навсикая просидела в полной неподвижности долго. Сторонний наблюдатель, зевнув, отправился бы спать, не дождавшись конца этой истории.

Девочка дождалась.

Когда она возвращалась в свою комнату, то знала, чего хочет. Знала, какое будущее ей предначертано. И улыбалась, потому что была рождена для этого. Правы оказались братья Внутреннего Круга. Вернутся Посторонние, вернутся и те, *другие*. Встретит их *рунический ребенок*, которому суждено внести свою лепту в судьбу этого мира.

А сейчас надо хорошенько выспаться.

Навсикая завалилась в свою постель. Ее ждал беспробудный сон – крепкий, здоровый и ничем не омраченный. Восстанавливающий, как сказал бы Вячеслав.

Пробудилась она ближе к полудню.

И с ужасом осознала, что нарушен привычный ритуал. Уборка не сделана, завтрак не приготовлен. А еще Навсикая не сходила на продуктовый рынок за свежим мясом для Рыка.

Между тем, жилище наполнилось запахами.

Навсикая отбросила плед – в комнате было жарко. Атолл выбрался далеко за пределы грозового фронта, и теперь душная спальня отчаянно нуждалась в проветривании. Солнечные лучи пробивались сквозь неплотно задвинутые шторы, в косых линиях танцевали пылинки.

Девочка с удовольствием потянулась.

Мир не так уж плох, вдруг подумала она. Рядом с ней – Мерт и Рык. Скоро прилетит Коэн, а вместе с ним – Брин. И вообще. Как она могла подумать, что с потерей Хрума всё закончилось? Вокруг столько людей, которым Навсикая не безразлична. И этот чудесный мир, нуждающийся в защите...

Ты – мастер ножей.

Мысль пронзила Навсикаю взрослой тяжеловесностью. Вместе с этим из глубин подсознания выплыло новое слово.

Ответственность.

Навсикая встала с постели и начала одеваться.

Дверь в комнату оказалась приоткрытой, и через узкую щель проникал запах готовящейся еды. Нечто экзотическое. Морепродукты? Похоже, на кухне хозяйничала Мерт.

Одевалась Навсикая быстро – еще один привет из прошлого. Живот свело от голода, но сперва девочка подошла к окну, отвесила шторы и распахнула настежь обе створки. В комнату вломился полуденный солнечный диск – раскаленный добела и готовый пожрать всё на своем пути.

На площадке у винтовой лестницы разлегся полусонный Рык. Глаза ребенка и зверя встретились. Во взгляде питомца Ольгерда читалось... понимание? Или плохо скрываемая радость? Целая россыпь чувств, которые Навсикая уловила с молчаливого согласия полярного хищника.

А потом Рык отвернулся.

Положил громадную голову на передние лапы и, казалось, утратил интерес к происходящему.

Потребовалось одолеть три яруса, истекая слюной и фантазиями, чтобы наконец-то попасть на кухню. Тут, как и во всем доме, одна из стен была полностью остеклена, что позволяло во время трапезы наслаждаться морской панорамой. Исключение из правил составляла лишь спальня самой Навсикай – крохотная, не соединенная с террасой, балконом или крытой галереей подобно прочим помещениям дома. С единственным скромным окошком. Брин сказал, что много лет назад тут жила их бабушка. Комнату проектировали таким образом, чтобы у бабули не кружилась голова, ведь она до смерти боялась высоты... Маленькая Навсикая однажды спросила у брата, как бабушка поднималась наверх, и что вообще она забыла на Миядзакки, если пугалась неба. Ответ был уклончивым, но сводился к тому, что бабуля родилась на Тверди и даже на браннерах никогда не летала. А потом влюбилась в деда и переехала на Миядзакки, поборов свой страх. Что ж, видимо она справилась с этой напастью не до конца...

Комната бабушки позволяла отгородиться от мира.

Еще вчера это казалось важным.

Навсикая вихрем ворвалась на кухню, подбежала к Мерт и поцеловала ее в щеку.

– Что у нас на завтрак?

Во взгляде жены Ольгерда прорезалось удивление – она давно не видела девочку *такой*.

Кухня наполнилась непривычными, но соблазнительными запахами. А еще – шкворчащими звуками, бульканьем, стуком ножа по разделочной доске.

Под вытяжкой привычно полыхал очаг. Почти все верхние секции в панорамной стене были открыты, но жар всё равно ощущался. Навсикая увидела решетку гриль с подрумяненными кусками рыбы и крохотные язычки голубого пламени. Мерт, не глядя, чем-то сбрызнула рыбу и продолжила шинковать зелень. Шкворчание усилилось.

– Завтрак был утром, – усмехнулась девушка. Навсикая давно заметила, что улыбка Мерт была ускользящей и загадочной. Такой, что не сразу догадаешься, о чем думает убийца из горного Хо-Шана. – Приближается время обеда.

Навсикая обошла стол и замерла у приоткрытой оконной секции.

– Тебе помочь?

Мерт покачала головой:

– Справлюсь.

Девочка, казалось, не находила себе места. Утро было необычным во всех смыслах этого слова. Внутри Навсикай что-то перевернулось. Механизм, казавшийся сломанным, вновь начал разгоняться. Тело наполнилось энергией, окружающее избавилось от черно-белых оттенков.

Мерт искоса наблюдала за подругой.

Улыбка не сходила с лица жены Ольгерда.

– Что? – не выдержала Навсикая.

– Ничего, – ухмыльнулась Мерт.
И метнула сюрикен.

Обычный человек уклониться бы от такого броска не смог. Вскрикнул бы, хватаясь за горло, и сполз на керамические плиты. Обливаясь кровью и хрипя. Кухня, кстати, была одним из двух помещений в доме, где на полу лежала плитка. Вторым таким местом был душ, но попасть в него – та еще задача для неподготовленного гостя.

Навсикая не вскрикнула и не захрипела.

Даже не стала уклоняться.

Просто начертила двумя косыми движениями руны перехвата и вывела сюрикен по круговой траектории к виску Мерт. Лезвие замерло в воздухе, едва не оцарапав кожу убийцы.

– Ты что творишь?

Улыбка на лице Мерт приобрела самодовольный оттенок.

– Проверяю.

– Меня?

– А кого же еще.

Навсикая ослабила хватку, и сюрикен полетел на разделочную доску. Мерт, впрочем, поймала орудие смерти за острый луч и убрала в складки просторного черного одеяния. Затем продолжила шинковать зелень. Как ни в чем не бывало.

Девочка требовательно смотрела на подругу.

И та не выдержала:

– К тебе возвращаются навыки мастера ножей. Я это почувствовала утром. Поднялась наверх, увидела тебя на террасе.

– И что? – нахмурилась Навсикая.

– Сама знаешь.

– Не знаю, – в голосе ученицы Вячеслава прорезалось упрямство.

Мерт высыпала зелень в глубокую кастрюлю, из которой тут же повалил пар. Хорошенько помешала варево длинным деревянным половником и вернула крышку на прежнее место.

– Суп? – брови Навсикаи полезли вверх.

Воистину – день чудес.

– Он самый, – Мерт добыла из настенного шкафчика плоскую тарелку и начала снимать с гриля куски рыбы. – Тебе понравится.

– Не сомневаюсь, – девочка присела к столу и подперла голову ладонью. Задумчиво посмотрела на женщину, потерявшую самого близкого человека на свете. Шли месяцы, а они так и не поговорили об этом. Мерт иступленно тренировалась, повышая свое мастерство. Жена Ольгерда была первоклассной мечницей, но в последние недели она начала делать упор на кусари-гаму и сюрикены. Даже манекен из школы фехтования притащила, заплатив непомерные деньги тамошнему учителю. – Просто не думала...

– Что я умею готовить?

Девочка кивнула.

Мерт начала разливать суп по глубоким мискам.

– Я и не умела, – миска с ароматным густым варевом оказалась перед Навсикаей. В середине стола Мерт поставила плетеную корзинку с нарезанными хлебными ломтиками. Рядом с миской на бумажную салфетку улеглась серебряная ложка. – Пока не начала жить с Ольгердом. Пришлось отложить в сторону мечи и взяться за кастрюли.

Навсикая прыснула со смеху.

Мерт непонимающе уставилась на девочку.

– Это я... о своем... – отсмеявшись, Навсикая потянулась за ложкой. Мерт продолжила сервировку стола. Как по мановению волшебного посоха начали появляться тарелки с жареной

рыбой, овощным рагу и салатом. – Мне мама любила повторять, что если не научусь готовить, то никогда замуж не выйду.

– А ты? – Мерт уселась напротив и придвинула поближе миску с супом. От варева пахло специями, мясом и еще чем-то непонятным, но очень аппетитным.

– Не понимала, зачем это нужно. Выходить замуж.

– Я тоже не понимала, – вздохнула Мерт.

– Но... это же Ольгерд! – вырвалось у Навсикаи. – За него, наверное, все хотели выско-
чить замуж, разве нет?

– Возможно, – Мерт подула на ложку, думая о чем-то своем. – Но он же мастер ножей. Тебе ли не знать?

Навсикая знала.

С детства всем ученикам вбивали в голову прописную истину – про семью лучше забыть. Встречайтесь с кем хотите, но серьезные отношения – помеха. Когда встанет вопрос выбора, что вы будете защищать? Свой дом или Храм Демиургов? Неправильный выбор обернется катастрофой для всего Преддверья...

Некоторое время за столом царила тишина. Подруги сосредоточенно ели, наслаждаясь каждой ложкой горячего мясного супа. Острого, надо сказать. С приправами, сыром и всякими экзотическими кореньями. Похоже, с утра Мерт решила опустошить продуктовый рынок. Удивительно, что она дотащила всё это по хлипким веревочным лестницам до пристенного дома в одиночку.

Или заплатила носильщикам?

– Сегодня хороший день, – вдруг заявила Навсикая. – Мне стало легко на душе. Как никогда. Сложно объяснить.

– А ты попробуй.

Девочка доела суп, отодвинула тарелку и потянулась за вторым блюдом. Рагу, кажется. Положила себе немного салата и подцепила вилкой поджаристый рыбный ломтик.

А потом произнесла то, что вертелось на языке с самого полудня:

– Я решила возобновить обучение.

Глава 3. Троеморье

Низкие тучи громоздились по всему небу, предвещая шторм. Вода почернела, зарядил мелкий дождь. Брусчатка стала влажной, в выбоинах начали собираться лужи. Теперь Илорн понял, почему все дома Кобара имеют такой дряхлый и обшарпанный вид. Многодневные ливни уже в печенках сидят, за год Илорн так и не смог привыкнуть к этой погоде. Всё начинается с мороси, затем – просвет. Тучи расходятся и вновь смыкаются над головой. Открываются небесные шлюзы, и оглушительный, невероятный дождь обрушивается на тротуары, выбеленные временем и солнцем террасы, жестяные и черепичные крыши, растрескавшиеся деревянные ставни. Город утопает в серой мгле, очертания построек размыты, из каждой щели тянет сыростью.

Первый, второй, третий день.

Дальше никто не считает. Канализационные решетки захлебываются, лужи превращаются в озера и реки, уровень воды в каналах поднимается до опасных отметок. Одежда не высыхает – ее развешивают в комнатах, под навесами верхних этажей, в полутемных галереях, на чердаках. Несмолкаемый шум сопровождает горожан в переулках, на опустевшей набережной, в порту и тавернах. Дождь исподволь проникает в сны, срастается с мыслями, и люди перестают его замечать. Ходят в черных плащах с надвинутыми на глаза капюшонами, решают повседневные дела, пьют, ругаются или просто сидят на застекленных террасах, покуривая трубку и меланхолично разглядывая искаженный мир за прозрачными гранями.

Рынки пустеют, лавки закрываются. Никто не хочет работать. Большая часть горожан сидит по домам и арендованным комнатушкам, гремит игральными костями и бутылками. Кто-то спит до обеда. Рыбаки не выходят в море, стражники прячутся в дешевых забегаловках и не следят за порядком. Да и зачем? Всё равно в Кобаре никогда ничего не происходит. Поэтому Илорна сюда и сослали.

Кобар, город-остров, средоточие торговых интересов Трордора. Сердце Троеморья. Илорн читал об этом в манускриптах, чудом сохранившихся в Магической Академии. Тексты были написаны на тер и относились к эпохе Вигов. Даже не имели четкой датировки. Долгое время Илорн относил Пацифиду и Троеморье к категории непроверенных мифов, детских сказок. А вышло иначе... Сейчас Твердь кажется ему далекой и неправдоподобной, а Пацифида – реальной и живой.

Дождь усилился.

Илорн вышел на крытую террасу, чтобы покурить свою трубку и предаться воспоминаниям. В такую погоду никуда выходить не хочется.

Терраса выдвинулась в каменное уличное ущелье, протянувшееся от Шепчущей Бухты до северных отрогов Муар-Кагалыма. Остров был крупным, весь его центр занимали пики, крутые склоны и перевалы. Муар-Кагалым уходил на юго-запад, тамошние земли он превратил в непригодную для жизни территорию. Остальная часть острова была плотно заселена. Даже склоны – там, где они были относительно пологими.

Запах вишневого табака успокаивал.

Илорн выпустил дымное кольцо, проследил за его распадом и неспешно приблизился к каменному ограждению. Справа и слева – арочные своды. На третьем этаже дома, купленного волшебником, комнаты отсутствовали. Да и нельзя назвать этажом обширное пространство, утопающее в тени виноградных лоз. Буйная растительность карабкалась по каркасу из связанных между собой металлических прутьев. Там же располагалась огромная бочка, в которую закачивалась дождевая вода из открытого резервуара. За день бочка нагревалась, что позволяло хозяину мыться в относительном комфорте. А еще на плоской крыше дома стояли

лавочки, укрытые навесом из бамбуковых плашек. Впрочем, это укрытие оказывалось бесполезным с приходом затяжных ливней.

Перед Илорном развернулись городские лабиринты.

Город занимал большую часть острова – прижимался к морю, карабкался по предгорьям, насуплено взирал на суетящихся людишек с отвесных карнизов. Горные реки, одетые в гранит, несли бурные потоки к Шепчущей Бухте, названной так из-за странного эха, порождаемого прибрежными пещерами. Кобар врастал в Бухту бесчисленными пирсами, подпирал небо храмовыми шпилями, мирно уживался с монументальными деревьями, лишившимися коры. Гронги – так назывались эти деревья. Легенды гласили, что они старше самого Кобара... Один из таких исполинов нависал над западным крылом дома Илорна, одаривая хозяина и слуг густой тенью.

Кобар издревле считался коммерческим центром Троеморья. Даже сейчас, когда торговые потоки северной Пацифиды контролировались дзуарами, порт не утратил своего значения. И дзуары вынуждены были считаться с Троеморьем, поскольку через здешние воды лежал кратчайший путь на юг. А Кобар и другие острова-государства находились под протекторатом Трордора.

Пацифида сильно растянулась с севера на юг, ее земли лежали в разных климатических поясах. Во владениях дзуаров было холодно и пустынно, но именно там находились обширные залежи руды, стояли корабельные сосны, водились пушные звери. Там добывалось железо и выплавлялась сталь. Трордорская империя контролировала центр континента – обширные сросшиеся водоемы, известные как Троеморье. Здесь располагались легендарные пещеры с кристаллами-артефактами, используемыми жителями Пацифиды для обустройства магических маяков. Вот эти кристаллы и привлекали Гильдию Магов, возглавляемую Гримлиэлем.

Упадочные итрусканские города растянулись вдоль восточного побережья. Почему-то тамошние земли вызывали пристальный интерес небесных кормчих. Не исключено, что представители тайных канцелярий всюду искали забытые технологии, укрытые слоями песка и времени... Ну, а юг поделили между собой Улкундар и Роккевениум.

На западе властвовал вольный полис Харраудар. Тамошние жители не воевали против Тверди и всегда умели постоять за себя в случае необходимости. У богатейших харраударских семей хватило ума наблюдать за мясорубкой со стороны, придерживая для смутных лет армию и корабли. Когда началось нашествие дзуаров, харраударцы выстояли. Сыграла свою роль и развитая дипломатия – купцы быстро нашли общий язык со Скитами и сильнейшими государствами Тверди.

И вот настал день, когда Илорна сослали в Троеморье. Идеиные противники действовали тонко, склонив на свою сторону Гримлиэля. Официальная причина – интересы Гильдии в сфере магического судоходства. Гримлиэль вознамерился исследовать местные пещеры в поисках чего-то еще более мощного, нежели *путеводные кристаллы*. Илорн был человеком ответственным – ему Гримлиэль доверял. И, разумеется, оба понимали, что конфликт, в который Илорн втянулся по неосторожности, способен перерасти в серьезную заварушку с непредсказуемыми последствиями. Так что изгнание было отчасти добровольным.

Илорн прибыл в Кобар, чтобы основать представительство Гильдии и соорудить портал, тем самым наладив регулярное сообщение с Твердью. Враждующие в прошлом континенты были разделены десятками тысяч километров и находились в противоположных полушариях. Преодолевать столь чудовищное расстояние на парусном корабле – сущее безумие. Поэтому Илорн воспользовался полулегальным домом Гильдии на пиратских архипелагах, откуда вылетел на частном браннере.

Год назад ему хотелось выть от безысходности. Жители Кобара поначалу казались дружелюбными и общительными, но каждый из них преследовал свой интерес. В лицо пришлым улыбались, но за спиной ненавидели, справедливо считая их оккупантами. Гадить старались испод-

тишка, незаметно. Обманывали на всём – покупке и аренде жилья, услугах извоза и пошива одежды. В тавернах разбавляли пиво, накладывали маленькие порции. В лавках обслуживали с неохотой. На рынке любой товар для человека с Тверди стоил втрое дороже, чем для местного. Спросишь у сгорбленной старушки дорогу – непременно ответит, ласково улыбнется и благословит в добрый путь. Вот только приедешь совсем не в то место, на которое рассчитывал.

За год Илорн ко многому привык. Его перестали раздражать нескончаемые дожди, льющие сутки на пролет без малейшего перерыва. Перестали бесить люди, живущие исключительно благодаря обману и махинациям – с чем-то подобным он уже сталкивался в Верне. Перестали выводить из себя проблемы с канализацией, доставкой воды и отсыревающими стенами.

Илорн с головой погрузился в работу.

Первые полгода ушли на обустройство резиденции. Илорн купил трехэтажное здание у площади Ахан и полностью реконструировал его, чтобы подогнать под стандарты Гильдии. Для ремонта пришлось нанимать местных строителей, платить им втридорога, а потом скрипеть зубами от косяков, недоделок и воровства материалов. Дальше в дело пошла магия. Илорну в помощь выделили специалиста по интерьерам и бригаду колдунов, пробивающих порталы. Специалист расширил внутреннее пространство здания, встроил карманы иных измерений, наполнил их джунглями, водопадами и горными ландшафтами. В вестибюле появился красивый фонтанчик. Приемная гильдмастера утонула в зелени, свежем ветре и журчании ручья. А в подвале возник действующий портал. К этому моменту Илорн уже переговорил с десятком сильных волшебников Троеморья, убедив их присоединиться к своей организации. В разгар дождливого сезона прибыл Гримлиэль собственной персоной. Оценил проделанную работу, принял присягу у новых коллег, произнес напутственную речь и целых полдня потратил на изучение письменного отчета Илорна. Затем выразил благодарность за труды и ушел через портал.

Илорн занялся административной деятельностью. В приоритете стояли три вещи. Во-первых, укрепление авторитета Гильдии на троеморских архипелагах, поиск обеспеченных клиентов и активное сотрудничество с властями. Во-вторых, изучение путеводных кристаллов, оценка их коммерческого потенциала. В-третьих, поиск артефактов, некогда принадлежавших Триумвирату.

Кристаллы были забавными игрушками. Эти штуки добывались в глубинных пещерах – тех, что порождали странное эхо, наполняющее время от времени Шепчущую Бухту необычными звуками. Самый мощный кристалл всегда устанавливался на башне маяка, а мелкие осколки выкупались капитанами кораблей. Никакого света – только магия. Именно поэтому долгое время торговцы Тверди терпели крушения у берегов Пацифиды – банально разбивались о скалы и садились на мель. Если кто и выживал, его незамедлительно добывали жнецы. К счастью, последние потерпели поражение и ушли с Преддверья вместе с тандрадианцами. На протяжении многих лет *взламыватели пространств* не беспокоили Пацифиду.

Добывались кристаллы специально обученными фамильярами. А фамильяров создавали и тренировали волшебники. Илорн не сомневался в том, что Гильдия сумеет прибрать к рукам этот лакомый кусочек и получить монополию. Это вопрос времени.

С наследием Триумвирата дела обстояли хуже.

Илорну удалось выяснить, что руины древних городов, некогда процветавших в сердце Пацифиды, разграблены и больше не представляют практического интереса. Иногда ценные вещи попадались в антикварных и магических лавках, но там хватало и подделок. А разбросаны такие лавочки по всему континенту, их неисчислимо множество. Надо иметь толпу помощников, чтобы обойти всех торговцев и добраться до чего-нибудь стоящего.

И всё же, Илорн не сдавался.

На прошлой неделе его поиски увенчались успехом. Частичным, но всё же. В порт прибыл человек, который уверял, что на Пацифиде есть подземный город Триумвирата. А внутри этого поселения стоит Храм Демиургов. Утверждение в корне противоречило всему, что Илорн знал об истории второго континента. Исследователи полагали, что несколько тысячелетий назад Царство Вигов, лишившее Пацифиду Храмов, действовало по прямой указке не успевших потерять разум Демиургов. Что и привело к затяжному конфликту между материками. Сохранились сведения о войне, разразившейся между Триумвиратом и Небесными Скитами. Илорн видел документы из архивов кормчих, подтверждающих эту версию. Войну Триумвират проиграл, после чего Пацифида изолировалась от остального Преддверья.

Дальше события развивались драматически. После тысячелетнего доминирования Триумвират распался на несколько враждующих государств, а те, в свою очередь, начали погружаться в эпоху удельных княжеств и кровопролитных войн. Спустя два века начали возвышаться города-государства наподобие Кобара, Харраудара и Таша. Поднялась цивилизация иттрускианцев. Последние, если верить хроникам, в итоге вступили в контакт с Посторонними, а затем – со жнецами и Тандрой. Началась эпоха противостояния с Твердью, которая привела к печальным последствиям для всей Пацифиды.

Надо ли говорить, что Посторонние усиленно искали заброшенные Храмы Демиургов. Доподлинно неизвестно, какой информацией владели враги человечества. Вот только разыскать легендарные урочища никто не сумел.

Маркус долгое время пробыл караванщиком у состоятельного купца с юга. Ходил через горы и пустыни, останавливался в глухих оазисах. Всюду наткнулся на следы бывшего присутствия Триумвирата. Или, как он говорил, на «печати древних». Илорн подозревал, что речь идет о каменных гробницах, оберегаемых сильной магией, в которых ушедшие правители спрятали часть своих сокровищ.

Однажды Маркус наткнулся на сломанную печать. По его словам, затерянный город был скрыт под песками Сухот-Дарракана – прокаленной и безжизненной местности, через которую очень редко проходили караванные пути. За хорошее вознаграждение Маркус готов стать проводником.

Илорн сверился с античными картами и записями путешественников, которые ему удалось раздобыть. По всему выходило, что Маркус откопал легендарный Тшуммех – одну из трех величайших столиц некогда единого континента. Тшуммех был пещерным городом, а его недра, если верить сказаниям, освещались не факелами или фонарями, а волшебными плитами, которым не суждено померкнуть до скончания времен. Город избранных – так его величали. Согласно источникам Гильдии, в Тшуммехе располагался Храм Демиургов, искусственно отрезанный от Дверной Сети.

Глядя на струи дождя, заливающего мостовую, Илорн думал о предстоящем путешествии. Если всё это окажется правдой, Храм можно оживить. Не исключено, что Гильдия получит собственную Дверь. Или несколько Дверей, почему нет? Того и гляди, добровольное изгнание обернется небывалым успехом.

Или – ничем.

Маркус может оказаться проходимцем, пытающимся продать глупому пришельцу ничемную грудку камней.

Время покажет.

Тучи обложили город со всех сторон, замазали серым туманом острые углы, упрятали горы в непроницаемую мутную пелену. Илорн не спешил связываться с Гримлиэлем и делиться радостной вестью. Нужна тщательная проверка. Он соберет лучших волшебников Троеморья и пробьет портал к Сухот-Дарракану. И щедро заплатит проводнику, если обнаружит за сломанной печатью что-нибудь стоящее. Дальше потребуется действовать быстро. Подключением Храмов к Сети никто не занимался уже много веков. Или тысячелетий. Но имелись засекре-

ченные трактаты, позволяющие опытному магу при должном уровне подготовки справиться с задачей. И сделать это необходимо до вмешательства Гильдии Ножей.

Приняв решение, Илорн улыбнулся. Спокойно докурил трубку, стараясь больше ни о чем не думать. Растворился в шуме дождя и сером лабиринте кобарских улочек. Впервые за несколько месяцев почувствовал умиротворение и согласие с самим собой. Затем постучал деревянной чашей по мраморным перилам, вытряхивая пепел. Налетевший порыв ветра тут же унес черную пыль в арочный провал Канатного Переулка. Остатки расплылись грязным пятном по камню, но их тут же смыли косые холодные струи. Трубка спряталась в складках одежды колдуна.

Дом оцепенел.

Погрузился в спячку.

Илорн развел руки, сосредоточился и произнес сложное заклинание, вызывающее к жизни фамильяра. Посреди террасы зародился вихрь, из которого начало доноситься клацанье и пофыркивание. Когда вихрь улегся, перед волшебником предстало существо, имеющее отдаленное сходство с вомбатом. Зверек был сумчатым, что облегчало передачу посланий адресату.

Маг поманил фамильяра к себе.

Животное робко приблизилось к хозяину, поводя усами и непрерывно издавая фыркающие звуки. Илорн запихнул в сумку скрученное трубочкой письмо, составленное накануне. Подумав, присовокупил золотой соверен, имеющий хождение по всему Троеморью.

– Отправляйся в таверну «Затишье», – приказал гильдмастер. – И передай это Маркусу. Ты помнишь, мы разговаривали с ним позавчера. Больше никому на глаза не попадайся.

Фамильяр пискнул и растворился в воздухе.

Глава 4. Астлахан

В полдень к причальной вышке Астлахана пристал частный браннер, идущий под трордорским флагом. Никто не ожидал встретить в местной глуши воздушное судно, явившееся из-за Срединного Моря. Астлахан затерялся на бескрайних просторах Равнинного Царства, о его существовании, казалось, забыл даже император. Городок стоял на границе пустыни, принадлежавшей детям ветра. Дома тут строились сплошь глинобитные, изредка – сложенные из каменных блоков, добытых в развалинах безымянных поселений. Улицы заметало песком.

С вышки по спиральной лестнице спустился странный пассажир. Это был волшебник с длинной, начавшей седеть, бородой и очень старыми глазами. На голове волшебник носил широкополую дорожную шляпу, а в правой руке держал витой посох.

Мальчишки-беспризорники тут же разнесли весть о пассажире браннера по всему Астлахану. Волшебник углубился в прокаленный солнцем лабиринт, укрыв половину лица цветастым шарфом.

Человек двигался сквозь песчаную бурю, с трудом разбирая дорогу. Шел без охраны, ничего не страшась. Да и чего бояться в умирающем городе, где из жителей остались разве что бродячие псы, седые старики, да погонщики буеров, предлагающие свои услуги редким паломникам. А еще – беспризорники.

Жара, столбы ржавой пыли, истертые временем ступеньки парадных. Рассохшиеся деревянные двери. Натертые до блеска медные ручки. Поскрипывающие на ветру вывески, прочесть которые житель Трордора не смог бы даже при желании. Потому что иероглифы не были улкундарскими. Скорее – смесь винхунского наклонного письма с затейливой пустынной вязью.

Впрочем, путник не был коренным трордорцем.

Он вообще родился за пределами Преддверья.

И владел множеством языков.

Ветер вылизывал тротуары, создавал песчаные наметы у порогов, царапал песчинками лица случайных прохожих. Ветер пытался распахнуть длиннополый плащ странника или, на худой конец, сорвать шляпу и забить волосы наглеца песком. Жители городка сидели по домам, не высовываясь, и лишь этот непрощеный визитер плутал среди округлых двухэтажных зданий, выискивая невесть что. Да еще и шляпу придерживал загорелой рукой, что приводило ветер в неописуемое бешенство.

Путник направлялся в старую часть Астлахана – туда, где на протяжении полувека почти никто не заглядывал. В этом историческом центре селились гробовщики, владельцы антикварных лавок, вольные художники и астрологи.

Странник уверенно пробирался сквозь путаницу мрачных переулков, огибал трущобные районы, протискивался в щели между домами, о которых чужаку знать не положено.

Песчаная буря заслонила солнце.

Диск потускнел, превратился в потертую монету.

Визитер остановился перед массивной узорчатой дверью, из которой торчали металлические шипы. Неведомый резчик снабдил дверь выпуклыми разверстыми пастями жутких чудовищ, когтистыми лапами, удерживающими скипетры и мечи, таинственными знаками, не предвещавшими ничего хорошего. Над дверью висела деревянная дощечка, удерживаемая скрипучими ржавыми цепями. Надпись на дощечке состояла всего из одного слова.

«Хранилище».

Вот только прочесть эту надпись не смог бы никто из ныне живущих. Потому что буквы, которыми воспользовался хозяин, ушли в небытие вместе с легендарной и мистической Державой Четырех Сторон.

Путник протянул руку и коснулся двери. Стучать он не стал, да и кольца поблизости не оказалось. Человек просто положил ладонь на серую пластину в центре и стал ждать.

Спустя мгновение раздался щелчок.

Дверь отворилась, послушная воле странника. Возникла черная щель, в которую ветер тут же начал задувать песчинки.

Визитер переступил через порог.

Невидимые пружины заставили дверное полотно встать на прежнее место.

Тьма окутала гостя.

И в этой всепоглощающей тьме послышался голос:

– Ты воспользовался правом своего отца, чтобы войти, Коэн из Предельных Чертогов, именующий себя странствующим посредником. Что тебе нужно?

Человек, которого называли Коэном, заговорил. И сразу стало понятно, что речь была подготовлена заранее:

– Сол Динмарк, друг моего отца, основал ваше Хранилище. Поэтому я обладаю правом доступа. А пришел я за ответами. И еще, думаю, настало время поговорить. Выслушайте меня, потому что от этого зависит судьба всех миров Дверной Сети.

– Правом ты обладаешь, – подтвердил голос. – Но находиться здесь не должен. Сол Динмарк покинул нас около трех тысяч лет назад. Ушел вместе с другими Демиургами. Теперь за безопасность Хранилища отвечают ордена. Я – Страж. И пропускать тебя внутрь не собираюсь.

Коэн ждал чего-то подобного.

– Позови Архивариуса.

– Нет.

Комнату затопило холодным голубоватым свечением. Словно распахнулись двери и окна, впуская в дом океан. И этот океан мерцал, разгоняя тени, мрак, неизвестность.

Помещение, в которое вошел странник, никуда не вело. Ни лестниц, ни дверных проемов. Куб с голыми стенами. Полное отсутствие мебели. Каменный пол, испещренный надписями и орнаментальными узорами.

У дальней стены находился Страж.

Коэн знал, что перед ним – один из сильнейших воинов планеты. Тот, кого невозможно победить в открытом и честном бою. Даже не человек, переделанный. Страж был облачен в мантию снов и ничем не отличался от Постороннего. Лица сменяли друг друга в сумасшедшем хороводе, черты плавались, перетекали в новые формы. Старик, девушка, мужчина, мальчик – уследить за метаморфозами было невозможно.

Страж направился к противнику, но мерцающая субстанция не позволяла ему двигаться быстро. Казалось, воин прорывается сквозь ураганный ветер или смолу. Волшебник понимал, что колдовство – лишь временная мера. Поэтому не полагался *только* на чары.

Из ниоткуда появились ножи.

Метательные клинки, управляемые кем-то невидимым. Лезвия вспороли застывший воздух и, усиленные заклинаниями Коэна, обрушились на Стража. Они жили собственной жизнью, эти ножи. Летели по прямым и криволинейным траекториям, били с нескольких направлений одновременно.

Безусловно, Страж успел бы отреагировать и уклониться, но его замедляла магия. А ножи – нет.

Воин был непобедим.

В честном бою.

Но здесь, в этой комнате, он в первый и последний раз потерпел поражение. Клинки вспороли мантию снов и вошли в тело Стража. Пробили грудную клетку, нырнули под ребра, погрузились в спину, бедро и сонную артерию. От каждого удара Страж дергался, но его заторможенные конвульсии выглядели карикатурно.

Сделав черную работу, ножи вернулись на исходные позиции, разбрызгивая кровь по полу и стенам. Капли сворачивались в шарики и неспешно оседали.

Колени Стража подкосились.

Тело обмякло.

Коэн смотрел, как мертвый Страж падает. Очень медленно падает, словно находится под водой или в мире со слабым притяжением. Калейдоскопическая смена лиц остановилась. Теперь волшебник видел, что перед ним – плотно сбитая женщина лет сорока. С рыжими волосами, собранными в небрежную косу. Сейчас коса была залита кровью, вытекающей из пробитой артерии...

Странник взмахнул посохом.

Мерцание начало пропадать, а свет сделался обычным – чуть желтоватым, словно от электрической стимбуржской лампы.

Раздался глухой стук – женщина всё же повалилась на плиты. Сверху пролился дождь из кровавых шариков.

Внутреннее пространство комнаты очистилось от магии, и стало ясно, что ножи удерживает в воздухе чья-то могучая воля. Человек, управлявший клинками, выбрался наружу из круглого порталного лаза и осмотрелся. Это был мужчина в возрасте – с гладко выбритым черепом и седой бородой, заплетенной в три косички. Каждая косичка была перехвачена стальным кольцом. А еще в косички были вплетены разноцветные нити – красные и черные. Сразу привлекал внимание крестообразный шрам под левым глазом бродяги. Шрам зарубцевался много лет назад, остались лишь белые полосы.

Любой решил бы, что перед ним – бродяга. Мужчина одевался в драную дерюгу серого цвета, спускавшуюся до самых колен и застегнутую сыромятными завязками. А еще были холщовые штаны – из тех, что носят простые крестьяне. Через плечо бедняка была переброшена лямка походного мешка. Полупустого, если присмотреться внимательно.

Портал схлопнулся.

Бродяга начертил перед собой некий символ, и ножи стали послушно возвращаться к нему в руки.

Коэн наблюдал за этими действиями, не вмешиваясь. Наставник Вячеслав, Хозяин Дверей и брат Внутреннего Круга, собирал клинки, до этого сеявшие смерть.

– Надеюсь, ты не ошибаешься, Коэн, – тихо проговорил Вячеслав. – Стражи всегда были на нашей стороне.

– У Стражей только одна сторона, – покачал головой Коэн. – Безымянный Скит. На Землю, Преддверье и другие миры им начхать.

Вячеслав не ответил.

Ножи скрылись в потайных чехлах под серым балахоном. Перед этим каждый клинок был методично очищен от следов крови. Во всех случаях Наставник пользовался рунами. Справившись с задачей, Вячеслав осмотрелся.

– Я не вижу портала. Что он охранял?

Коэн направился к противоположной стене.

– Сейчас выясним.

Всё в этой комнате могло оказаться иллюзией. Даже сам Страж. Но Коэн доподлинно знал, что по всей Тверди, а также на Скитах, были разбросаны такие вот неприметные домишки, служившие точками выхода для Изменчивых. И точками входа – тоже.

Демиурги перед своим уходом построили Безымянный Скит, он же Блуждающий, нарекли его Хранилищем, и спрятали от посторонних глаз с единственной целью – спасти крупницы знаний, оставшихся после крушения их цивилизации. За хранение данных отвечали Архивариусы – они крайне редко вступали в контакт с обычными людьми. Стражи были прирожденными воинами, щитом Архивариусов, они стерегли узловые точки и расправлялись со

всеми, кто мог бы отыскать дорогу к Хранилищу. Существовал и третий орден – Изменчивые. Разведчики, мастера перевоплощения. Изменчивые могли превращаться в людей, животных, растения и предметы. Любой облик – по необходимости. Эти люди скитались по миру, следили за ситуацией и обо всем докладывали Архивариусам. Вот для них, глаз и ушей Безымянного Скита, и были созданы комнаты, в одной из которых стоял Коэн.

Долгое время посредник думал, что Скит – реальный объект, парящий в небесах Преддверья. Одно время Коэн усиленно искал этот островок, собрав команду отчаянных головорезов и забравшись в такие дали, о которых не помышляли даже облачные торговцы и погонщики стратосферных браннеров. Метания оказались тщетными – Скита и след простыл. И тогда волшебник занялся исследованиями иного рода. Его интересовали старые манускрипты, хранящиеся в личных библиотеках кормчих. Документы, которые даже начальники тайных канцелярий не могли перевести и приспособить для своих нужд. В одном из таких документов Коэн обнаружил ключ к разгадке.

Блуждающий Скит никогда не существовал в привычной реальности. Хранилище вынесли за пределы Дверной Сети, за грани известной вселенной. Архивариусы поселились в *лимбе*.

Узнав правду, Коэн немедленно вспомнил войну с Посторонними, когда орды второго материка обрушились на Твердь. Внезапное вмешательство Архивариуса тогда спасло жизни всех, кто находился на «Мемфисе». А потом женщина пригласила в лимб Ольгерда, позволив мастеру ножей расправиться с иерархом магелланцев. Слишком быстро это произошло. Слишком спокойно она отнеслась к порталу в складках мироздания.

Промежуточный мир.

Пересадочная станция.

Так женщина с карими глазами отзывалась о лимбе. Вот только Коэн был уверен, что Архивариус сказала не всё. Лимб подозрительно напоминал подпространство, путешествия сквозь которое считались невозможными. *Гипотетическими*, как любил повторять отец Коэна.

Из глубин памяти всплыл Сол Динмарк.

Отец познакомился с Динмарком задолго до Большого Отката. Задолго до эмиграции части человечества в Магеллановы Облака. Задолго до своей гибели в одном из космических сражений. Вместе они бились на стороне вершителей, основавших Державу Четырех Сторон. А потом отец погиб – это случилось перед самым Откатом. Коэн помогал Динмарку восстанавливать связи с отдаленными уголками Сети после катастрофы, но всё это уже не имело значения.

Сеть разваливалась.

Да и сам Коэн стремительно деградировал, забывая всё, что ему полагалось знать по праву рождения. Он был потомственным Демиургом, отказавшимся уходить из зоны Отката. И расплатился за свое упрямство по полной. Расплатился знаниями, опытом, частью своего разума.

Динмарк укрылся в Хранилище, избежав печальной участи. И настроил все точки входа в Блуждающий Скит таким образом, чтобы Коэн мог спастись, если посчитает нужным.

Архивариусы знали эту историю.

И Стражи должны были знать.

Коэн ощутил *притяжение*. Что-то неодолимо влекло его к противоположной стене комнаты, заставляло машинально двигаться, не отвлекаясь на посторонние вещи.

А потом он увидел портал.

Часть стены втянулась в себя, образовала тоннель диаметром в полтора человеческих роста. Всё это выглядело *иначе*, не как в тот раз, на «Мемфисе». Будто заглядываешь в темную пещеру, на другом конце которой сияет утро нового дня.

– Ты видишь? – выдохнул Коэн.

Посредник стоял на расстоянии вытянутой руки от своей мечты.

– Боюсь, что нет, – грустно улыбнулся Наставник Вячеслав. – Это твой путь, Коэн из Предельных Чертогов. Пройди его до конца.

Волшебник приблизился к мастеру и положил ему руку на плечо.

– Спасибо.

– За что?

– Ты помог. Хотя и не обязан.

На краткий миг глаза Вячеслава затянулись дымкой воспоминаний. Быть может, он вспомнил другой случай, когда вступился за друга и едва не погиб. Впрочем, Вячеслав никогда не жалел о правильных поступках. Он знал, что повторил бы это, не задумываясь.

– Моя Гильдия существует благодаря тебе. Это самое малое, чем я мог отплатить, – Наставник посерьезнел. – Но дальше я идти не могу. Во-первых, я Хозяин Дверей. И ты знаешь – мне некому передать это бремя. А во-вторых... я просто не воспринимаю *твой* портал, Коэн.

Невероятно.

Человек, умеющий попадать в иные миры без помощи стабильных Дверей, познавший мудрость ниров и возрадивший лучшего воина Преддверья, не мог попасть в лимб.

– Мы убили их Стража, – тихо произнес Коэн. – Я могу не вернуться.

– Твой выбор, – хмыкнул Наставник.

Они рассмеялись.

Коэн махнул другу рукой на прощание и направился к межпространственной дыре.

Шагнул внутрь.

И едва не сорвался в пропасть.

Парапет, отделявший каменную площадку, на которой стоял Коэн, от обрыва, едва достигал колен. Дальше – провал. И бескрайняя унылая пустошь. Нагромождение барханов, шарики перекасти-поля, торчащий обломок башни. Высота была приличной – добрых пятьсот локтей.

Ландшафт неспешно сдвигался влево.

Коэн поднял голову.

Серое небо освещалось замутненным солнечным диском. Вот только диск этот казался схематичным, ненастоящим. Словно набросок, сотворенный художником-самоучкой.

Ветер...

Тут вообще чертовщина какая-то. Ветер гнал перекасти-поля, взвихрял песчинки, шевелил волосы на голове Коэна, забирался ему в бороду. Но был этот ветер каким-то неживым, условным. Свежесть, запахи чужого мира, ощущение свободы – всё это вынесено за грани восприятия.

Справа обнаружили каменные ступени.

Позади – серая кладка с грубыми стыками. Дорога назад отрезана, терять нечего. Впервые за свою долгую, почти бесконечную жизнь, Коэн запаниковал. И тут же подавил приступ страха, загнав его поглубже.

Ты здесь.

Это главное.

Волшебник двинулся по ступеням вверх, стараясь не приближаться к низкому парапету и не смотреть на безжизненную пустыню.

Сгинешь – никто не найдет.

Никто не вспомнит.

Ступени огибали выступ, напоминавший сильно раздутую крепостную башню. Без бойниц окон и пристроек. Стена на первый взгляд казалась кирпичной, сложенной из светлых, чуть сероватых блоков. На ощупь – гладкой, будто стекло. Пальцы упирались в стыки, но эти линии мнились такой же геометрической условностью, как и светило над головой.

Коэн выбрался на большую террасу.

Перед ним выросла арка, пространство внутри которой было волнистым, неустойчивым.

Очередной портал.
Из арки вышли трое.

Глава 5. По ту сторону всего

...веди меня домой...

Тьма окутала разум мастера ножей, и на краткий миг ему показалось, что наступила смерть.

...веди...

Посторонний втянул его в стену и хочет использовать в своих интересах... но порталы всегда контролируются кем-то. И нет порталов, связывающих Землю с миром магелланцев. Значит...

Из непроглядного мрака проступили контуры луча, по которому, кувыряясь, летели два сцепленных вместе тела.

Ольгерд и Посторонний.

Мышцы не слушались.

В этом потустороннем мире учитывалась лишь сила разума. Надо сосредоточиться. Если нет прямого портала, *через что* Посторонний собирался попасть в Магеллановы Облака?

Ответ пришел быстро.

Мрак схлынул, луч растворился в бесконечной черноте неведомых измерений, и Ольгерд с высоты в шесть локтей полетел *вниз*.

«Низ» появился. И был он теперь не просто понятием, а вполне осязаемой водной гладью и песчаным дном.

Ольгерд рухнул в море, подняв тучу брызг и лишь чудом успев сгруппироваться. Справа от него упал Посторонний, наконец-то ослабивший мертвую хватку.

Мастер почувствовал, что захлебывается, увидел тучу мелких пузырей, тусклые световые пятна и очертания массивных камней. Нет, не камней. Колонн.

Впрочем, некогда разбираться.

Балахон облепил тело, стал тяжелым и опасным. Клинки тоже не способствовали плаванию.

К счастью, дно было здесь, рядом. Песчаное, не илистое. Ольгерд позволил себе расслабиться и вертикально уйти вниз. Когда ноги коснулись дна, мастер согнул колени, погрузился еще на локоть и резко оттолкнулся. Старый прием, которому Вячеслав обучил его на затопленной террасе.

Тело уподобилось пружине и устремилось назад.

К свету и небу.

К жизни.

Воздух ворвался в горящие легкие, подарил краткосрочное облегчение. Ольгерд сделал глубокий вдох и снова ушел под воду.

Открыл глаза.

Осмотрелся.

Сквозь взбаламученную жидкость проступали очертания древних руин. Расколотые и поваленные колонны, массивные плиты, ступени и контуры крыш...

Ступени.

Ольгерд двинулся в нужном направлении, наклонившись вперед и подгребая руками. Подошвы ботинок скребли по песку и окаменевшему ракушечнику. На первом уступе он опять начал задыхаться. Пришлось проделать уже знакомый трюк, набрать побольше кислорода и

продолжить борьбу за выживание. Ступени были широкими и крутыми, частично занесенными песком и вылизанными временем.

Наконец, Ольгерд выбрался из западни. Жадно хватая ртом воздух и отплевываясь, поднялся на берег. С одежды потоками лилась вода, на губах застыл привкус йода.

Ступени вывели мастера на крохотный пятачок, некогда бывший рыночной площадью. Или набережной, сейчас не разобрать.

Вокруг простиралась бесконечная морская гладь.

Затонувшие руины.

Некогда величественный город развалился на части. Из воды торчали редкие каменные островки, в которых угадывались признаки крыш, балконов, массивных колонн и террас с источенными солью балясинами. У самого горизонта виднелась арка, отбрасывающая неровную длинную тень. Море казалось недвижимым, мертвым. Ольгерд вдруг понял, что его удивило при первом знакомстве с этим промежуточным миром – отсутствие рыб. Под водой никто не плавал. Не росли водоросли и кораллы, не колыхались полупрозрачные медузы, а осколки раковин отсылали к далеким эпохам, о которых не осталось даже воспоминаний.

Солнце бледным пятном вросло в небо, затянутое ровным слоем серости. Что-то среднее между тучами и облаками. Есть свет, но тепло не ощущается. Холода тоже не было, как и ветра.

Реальность казалась условной, схематичной.

Не приспособленной для людей.

Ни для кого не приспособленной.

В паре десятков локтей от Ольгерда стоял Посторонний. Лица больше не менялись в kaleydоскопе безумия – магелланец избавился от мантии снов. Враг сумел выкарабкаться на покатую крышу здания, ушедшего под воду много столетий назад. Часть крыши, покрытой черепичными напластованиями, провалилась. В проломе зияла чернота.

Ольгерд видел перед собой обычного человека. Мужчину средних лет с короткой стрижкой и резкими, словно высеченными из гранита, чертами лица. Посторонний был обнажен – на нем не было ничего, кроме нижнего белья – облегающего, такое в Преддверье не носили. Да и в Чертогах – тоже.

Человек смотрел на Ольгерда.

И в этом взгляде желание драться отсутствовало.

Мышцы чужака не производили впечатления, но Ольгерд чувствовал, что перед ним – крепкий боец.

Враги молчали.

Черепичный выступ от каменного пятачка отделяло приличное расстояние, но Ольгерд наметил путь, по которому будет двигаться. Торчащий из воды серый куб, напоминающий постамент статуи. Нагромождение прямоугольных блоков. Полузатопленная терраса и фрагмент колонны. Стремительный бросок с тремя-четырьмя прыжками.

– Это и есть твой мир? – спросил Ольгерд.

Слышимость хорошая.

Даже голос повышать не надо.

Повисла тишина, нарушаемая тихими всплесками.

– Нет.

Разумеется, нет.

Ольгерда накрыло пониманием – запоздалым и безжалостным. В закоулках памяти развернулись каменные ветряные лабиринты, осколки стекол в оконных проемах, полуразрушенные лестничные пролеты. А еще – буйные степные травы, по которым гуляла зеленая рябь. Тусклое, чуть желтоватое, солнечное пятно... Такое же, как сейчас.

Лимб.

Реальность, в которую Ольгерд попал однажды, преследуя Брона. Точнее, иерарха Посторонних, вселившегося в танневергенского мечника. Здесь не работают руны. Отсюда не открываются Двери. И если нет портала, распахнутого кем-то другим, случайный путник сгинет.

Что ж, умирать веселее вдвоем.

Ольгерд достал из чехла прямой дуэльный нож.

Классика жанра.

– Глупое решение, – покачал головой магелланец. – Ты меня убьешь, а дальше что?

Ольгерд не ответил.

Молча двинулся к противоположному краю площадки. Перепрыгнул на неровную каменную глыбу, сократив дистанцию между собой и противником.

– Отсюда нет выхода, – напомнил Посторонний. – Ты застрянешь.

Разбежавшись, Ольгерд перемахнул через глубокую расщелину и приземлился на одно колено и левую руку. Постамент был широким и гладким. Камень слегка нагрелся за день.

– Ты не вернешься к жене, – заявил магелланец. – И никогда больше не увидишь Рыка.

Как ни странно, эти слова подействовали.

Ольгерд замер на полушаге.

Магелланец стоял близко. Рукой подать. Сначала придется допрыгнуть до блоков. Дальше – терраса и колонна...

Мастер ножей застыл на краю куба.

– Для меня эта война закончена, – сказал Посторонний. – Я иду домой.

– Мы оба знаем, что это не так, – возразил мастер. – Война только начинается. И всё из-за тебя.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – покачал головой магелланец. – Я так и не сумел добыть координаты их системы. Миссия провалена. Наши с тобой смерти ничего не изменят.

– Что ты предлагаешь?

– Из лимба есть выход, – Посторонний всё еще с опаской глядел на собеседника. – В Риордан.

Мастер ножей недоуменно посмотрел на магелланца.

– Так называется моя планета, – пояснил тот. – Это крохотная система в туманности Тарантул.

Ольгерд потрясенно молчал.

Враг приглашал его в свой мир. Вот так, запросто. Без выставления условий, хитрых ловушек и пространных обещаний.

– Я не знаю, сможешь ли ты попасть оттуда в Преддверье, – добавил магелланец. – Во время последней войны мы пользовались услугами жнецов. Можно, конечно, долететь на корабле... В любом случае, это хоть какой-то шанс. В лимбе у тебя нет удачных решений.

Ольгерд присел на край постамента. Свесил ноги вниз, покрутил в руках дуэльный клинок. Абсолютно бесполезный в сложившихся обстоятельствах. И убрал оружие в ножны.

Посторонний одобритительно глянул на давнего врага. Представился:

– Картер.

И Ольгерд вдруг осознал, что у близких чужаков есть имена. Да и вообще... Никакие они не чужаки. Просто люди.

Мастер ножей кивнул.

Знакомство состоялось.

Ольгерд некоторое время размышлял над своим положением. Лимб, похоже, не был населен живыми существами. Пустыня, в которой легко умереть с голоду. Есть моря, есть степи. Но охотиться не на кого. Дорогу у первого встречного не спросишь. Руны не работают, Двери не открываются. И всё же, иерарх, которого он убил много лет назад, перемещался, используя лимб в качестве промежуточного мира. Значит, есть способ попасть в родное Преддверье.

рье из далеких Магеллановых Облаков. Ольгерд много путешествовал, много читал, повидал всякое на своем веку. Теперь он понимал, что противники Демиургов были технологичной расой, обладающей великими знаниями. А сами Демиурги... Бросили своих детей на произвол судьбы. Да еще собирались уничтожить Предельные Чертоги.

Истины нет.

Каждый видит ее по-своему.

Единственное, чего Ольгерд не мог понять, это мотивов Картера. Допустим, ему нужен Хозяин Дверей для возвращения на родину. Тогда нужно пробить портал, а Ольгерда бросить подышать в лимбе. Мастера ножей стерегли узлы Дверной Сети, они были заклятыми врагами Посторонних. Зачем тащить врага на свою планету? Что-то не складывалось.

– Ладно, – пришло время задавать правильные вопросы. – Как ты собираешься попасть на Риордан?

– С помощью *звездолета*, разумеется, – усмехнулся Картер. – Твоя помощь мне не нужна, если ты об этом.

Удивил, ничего не скажешь.

...веди меня домой...

Уже привел. Только не домой, а на пересадочную станцию.

– Тогда почему ты затеял этот разговор?

– Чтобы не умереть раньше прибытия корабля.

Разумно.

– Ты можешь бросить меня в лимбе.

– Могу.

– В чем подвох?

Картер уселся на черепичной крыше, обняв колени руками. Во взгляде Постороннего сквозила усталость.

– Ни в чем. Мы сражаемся с Демиургами, а не с жителями Земли и Преддверья. Так было всегда. И мы продолжим искать строителей Сети, где бы они не укрывались. Ты выполнил свое предназначение, вывел меня из Стимбурга. И мне несложно оказать ответную услугу.

– Это всё? – прищурился Ольгерд.

– И да, и нет. Кое-кто интересуется твоей персоной. Знаешь, мастера ножей, умеющие пользоваться рунами вне Преддверья... встречаются крайне редко. Вообще не встречаются, если уж говорить откровенно.

Вот оно что.

Дзуар.

И Чертоги.

Ольгерд в своем искусстве вышел за рамки всего, чему обучали Наставники Гильдии. Он делал вещи, которые предшественники считали невозможными. Но это до сих пор случалось в границах Дверной Сети. Мастер сомневался, что сможет повторить свои фокусы в лимбе. А уж на Риордане и подавно не сможет...

Посторонние считали иначе.

С этого момента начиналась полная неопределенность. Ольгерд ничего не знал о магелланцах, их нравах, отношению к пленным и приезжим. Вряд ли ему позволят свободно разгуливать по планете, занимаясь поисками дороги к Преддверью. Тюрьма казалась чем-то более реальным. При любых раскладах, Ольгерд окажется в полной власти людей, которым не доверяет. Без рун. Вероятно, без оружия.

Приятного мало.

Но это лучше, чем гарантированная смерть в лимбе.

– Хорошо, – Ольгерду эти слова дались с большим трудом. – Я сяду на корабль. Магелланец кивнул.

И тут же поинтересовался:

– Не против, если я переберусь на твой постамент? Подо мной малость... черепица трещит.

Ольгерд хмыкнул.

– Перебирайся.

Картер мягко спрыгнул на капитель колонны, оттуда перемахнул на полузатопленную террасу, подняв тучу брызг. С трудом удержав равновесие, разогнался и перелетел на груды монолитных блоков. Ольгерд всё это время наблюдал за магелланцем с одобрительной усмешкой. Движения чужака были пружинистыми и мощными, выверенными до пяди. Последний бросок вывел Постороннего на правильную навесную траекторию, но не хватило буквально одного локтя. Картер сорвался с края постамента и упал бы в воду, но тут мастер решил вмешаться. Протянутая рука, рывок.

Бывшие враги на постаменте.

Между ними – расстояние удара.

Ольгерд спокойно уселся на прежнее место. В нескольких шагах от него устроился магелланец. Просто скрестил ноги и задумчиво уставился на далекую арку, торчащую у самого горизонта.

Удивительное дело – за всё время пребывания людей в лимбе, солнце не сдвинулось ни на йоту. Возникло неприятное чувство иллюзорности происходящего. Вряд ли планета перестала вращаться вокруг собственной оси. Конечно, суточный цикл мог быть очень длинным, но...

А с чего вообще Ольгерд решил, что лимб – это планета? Руины – не показатель. Волшебники Преддверья умеют строить в складках реальности. Размещают там целые комнаты, обрывки ландшафта, овеянные фантазии заказчиков. Парки и фонтаны, например. Вспомнить те же подвальчики, в которых мастера ножей держат своих рлоков. Карман со снегом, льдом, холодом и полярным сиянием. Ничто не мешает возводить в иных измерениях целые города, а потом бросать их на произвол судьбы. Похоже, именно так поступили Демидурги.

Ольгерд и Картер молчали.

Каждый думал о своем.

Время остановилось, перестало иметь какой-либо практический смысл. Неподвижное пятно, именуемое солнцем, намертво вросло в небесную муть. Хотелось пить, желудок требовал еды. Но Ольгерд терпеливо ждал, не желая продемонстрировать магелланцу слабость. У того наверняка имелся четкий план по спасению, не предусматривавший обезвоживание организма.

– Я убил вашего иерарха, – зачем-то признался Ольгерд. – Здесь, в лимбе.

– Знаю, – равнодушно кивнул Посторонний. – Его тело нашли. Только никакой он не иерарх. В моем мире нет таких понятий.

– Вот как?

– Ты скоро познакомишься с нашей государственной системой. Власть не принадлежит кому-то конкретному, это достаточно сложный институт. Те, кого вы называете иерархами, это обычные... агенты влияния. Не скрою, за их плечами века боевого опыта. Тот человек, с которым ты расправился, застал эпоху Большого Отката.

– А ты?

Картер замялся, но всё же ответил:

– И я помню то время.

Внутри у Ольгерда начало подниматься что-то темное, но мастер сдержался. Вслух произнес:

– Не понимаю я вас. Большой Откат стал настоящей катастрофой. Для всех человеческих миров. Вы – тоже люди. Неужели нельзя было найти лучшего решения?

Картер вздохнул и надолго замолчал. Вероятно, продумывал ответ. Или перебирал внезапно нахлынувшие воспоминания.

– Чего молчишь? – не выдержал Ольгерд.

– Ты плохо знаешь историю, – наконец, заговорил магелланец. В голосе Картера прорезалась сталь. – Разве Коэн не рассказывал тебе, что технология культурного регрессирования изначально появилась на Земле? Это не *наше* оружие, а Демиургов.

Ольгерд вспомнил загадочные слова посредника о заговоре в «управленческих структурах» Преддверья. Нечто, именуемое Державой Четырех Сторон, намеревалось восстать против терранской империи. И тогда мир Ольгерда погрузился в пучину варварства.

– Вижу, ты вспомнил, – ухмыльнулся Картер. Всё это время Посторонний следил за выражением лица мастера. – Не *мы* откатали Преддверье. Это сделал отец Коэна и подобные ему. Боялись, что мир-перекресток захватит бразды правления. А ведь это было логично – Преддверье стоит в центре всех энергетических потоков. Земля уже тогда превратилась в курортное захолустье для богоподобных вершителей и их семей. Окраина империи, утратившая былое величие.

Ольгерд не стал спорить. До него вдруг дошло, что эта давняя вражда имеет свои корни.

– Храмы, которые вы защищаете, – Посторонний скривился. – Это распределительные узлы, и ничего больше. Фильтры, клапаны. Без них *контур* вполне обойдется, кстати. Просто Двери исчезнут, а вселенная перестанет себя пожирать. Вот почему мы стремились их уничтожить.

– А теперь?

– Уже нет.

– Почему?

– У нас не получилось. Мы не представляем, как это осуществить, знание утеряно. Ирония судьбы в том, что сами Демиурги перестали интересоваться Дверной Сетью. По нашим сведениям, они открыли новый способ перемещения. Так что Храмы будут стоять до скончания веков. И переваривать окраинные миры, в которых уже сейчас невозможно жить. А потом начнутся необратимые изменения, которые поставят крест на нашей мышине возне. Радуйся, мастер.

– Но вы хотите войны.

– Мы хотим прижать Демиургов к стенке, – уточнил Посторонний. – Навязать им переговоры. Пусть отключат свое адское устройство и позволят вселенной восстановиться.

Магелланец говорил дикие, невозможные вещи. Ставил под сомнение всё, на чем строилась жизнь мастера ножей.

Так почему же ты слушаешь его?

Потому что повзрослел.

Хватит воевать за чужие идеалы, лить кровь, расплачиваясь за давние ошибки предков. Пора разобраться в причинах происходящего. Получить знание, которое, вероятно, поможет что-то исправить.

И это знание таилось на Риордане.

Глава 6. Дорога для двоих

Навсикая увидела сон.

Вместе с Рыком она падала сквозь тьму, двигаясь внутри полупрозрачного луча. Света этот луч не давал, но возникло ощущение *потока*, пробившего чудовищные расстояния Внемирья. А потом девушка поняла, что она не падает, а скользит вперед, увлекаемая этим потоком. И тьма постепенно рассеивается, а вместо нее...

Бескрайняя степь.

Навсикая – посреди колышущегося зеленого океана, под странным солнцем, не дающим тепла. Холодно тоже не было. Просто – никак.

Ветер пригибает траву и дарит ощущение свежести, но девушка не уверена в этом до конца. Кажется, ее поместили внутрь картины, где всё – понарошку.

Рядом застыла массивная рлочья туша. Мохнатая и белая, как полагается всякому уважающему себя питомцу. Только рлок это чужой, не Хрум. И Навсикая знает, *кто* привел ее сюда.

Рык.

Почему-то пришло понимание, что это не сон. Девушка и рлок перенеслись в чудовищную даль, название которой отсутствовало в языках Тверди. Как это получилось – непонятно. Но они стоят под этим условным солнцем, посреди бескрайней степи, и зверь принюхивается к ветру. Перед Навсикаей проступают детали. Пологие холмы, сглаженные временем и тысячелетними воздушными волнами. Недостроенное здание на горизонте. Не здание даже, а серый каркас, просвечивающий насквозь. Клетки, открытые миру. Внутри – лестницы, массивные колонны, торчащие в разные стороны ржавые штыри, грязь и запустение. Навсикая видит всё это внутренним зрением, стоит ей лишь помыслить об объекте. Так и положено во сне – ты думаешь о некоем месте и приближаешься к нему вопреки законам природы.

Рык трогается с места и направляется к зданию.

Навсикая следует за своим провожатым.

Они пересекают степь, а по траве бегут тени облаков, перегоняемых вездесущим ветром с места на место. Навсикая бежит рядом со зверем, не отставая и не опережая. Она выдерживает темп, не сбивается с шага, хотя и понимает, что это невозможно. Рлоки слишком быстрые, людям не угнаться за хищниками севера.

Но это происходит.

Здание приближается, вырастает в горизонт всеми своими уровнями. Навсикая уже понимает, что внутри пусто, нет и тени присутствия живой души. Рлок продолжает принюхиваться, изредка останавливаясь или переходя на размеренный шаг. Девушка терпеливо ждет.

Кого же ты ищешь?

В облике зверя – непостижимая уверенность. Рык знает, что здесь кто-то был. Или должен быть.

Ольгерд.

Единственный человек, способный настолько заинтересовать рлока, оставшегося без хозяина.

Неужели мы пришли сюда за Ольгердом?

Навсикая отправила хищнику образ мастера ножей, и Рык неожиданно откликнулся. Девушку накрыло теплом, привязанностью и тоской. Так может тосковать лишь полярная тварь, детство которой намертво сшито с детством хозяина.

Внезапно картинка распалась.

Навсикая пробудилась от наваждения, вернулась в собственное тело.

Что произошло?

Шарик упал на фарфоровое блюдце. Огненные часы вырвали девушку из далекого путешествия и перенесли в комнату на Атолле Миядзаки. На границу света и тьмы, в точку, именуемую рассветом.

Навсикая полежала некоторое время на смятой постели, собираясь с мыслями. И приступила к ежедневным делам. Пробралась через спящий дом в душевую, помылась под холодной водой, отчего остатки сна рассеялись окончательно.

Следующий шаг – медитация.

И пробежка по безлюдным уступам пристенного города. Своеобразная полоса препятствий, с чередованием крутых узких троп, веревочных лестниц, тоннелей и шатких деревянных переходов.

Тренировка.

Отработка боевых рун, защитных и атакующих. Мишень и соломенное чучело. Связки для дуэльных клинков, керамбита и тычкового ножа. Бой с кастетами. Всё – в тишине и полном одиночестве. Мерт тоже просыпалась рано и упражнялась с мечами и кусари-гамами в своей комнате.

Рык спал и, казалось, не обращал внимания на странные привычки людей. Рлокам не нужно тренироваться. Убивать – их врожденный талант. Инстинкт хищника.

Повторно приняв душ, Навсикая перебралась на кухню. Изучила кладовку и ледовню, после чего разожгла очаг и стала готовить.

Солнце поднялось уже достаточно высоко.

Навсикая ощутила *присутствие*.

И резко обернулась.

На пороге кухни застыл рлок. Зверь смотрел на Навсикаю, она смотрела на него. Пойдем со мной, читалось в глазах Рыка. Это дорога для двоих. Я умею проламываться сквозь измерения, в тебе сокрыт дар Хозяйки Дверей. Ты руническая девочка, мы оба это знаем. Найди Ольгерда, приведи меня к нему. Заверши своё обучение.

Диалог не имел ничего общего со словами. Эмоции, ментальные слепки, мозаичные образные структуры.

Не важно.

Они поняли друг друга.

Крышка кастрюли начала брэнчать, из-под нее вылезла пена. Навсикая выругалась, отвернулась от питомца Ольгерда и начала исправлять положение, орудуя половником в клубках пара. Когда она закончила и вновь позволила себе отвлечься, рлока и след простыл.

Пар уходил наружу сквозь приоткрытую оконную секцию. В утреннюю тишину врезались звуки бегущей воды – Мерт отправилась в душ после своей тренировки. По склонам уже ходили люди, тихо переговаривались, кашляли, скрипели досками настилов. Из-под чьей-то ноги вылетел камушек. Вылетел и сорвался в бездну, ударяясь о каменные выступы.

– Вкусно пахнет, – раздался знакомый голос.

Навсикая, подавив приступ радости, обернулась.

В дверном проеме возвышался Наставник Вячеслав. В сером балахоне, с излюбленной котомкой через плечо. Даже борода была заплетена на привычный манер, так что Навсикая решила, что время не имеет власти над братом Внутреннего Круга... Вот только морщинок в уголках глаз стало больше.

– Отвар еще не готов, – улыбнулась Навсикая, вспомнив давнюю традицию при общении учителя и ученика.

– Ерунда, – отмахнулся Вячеслав, переступая порог кухни. – Оставим эти ритуалы для нижних террас.

Навсикая рассмеялась.

– Вы завтракали, учитель?

Вячеслав, мягко ступая по половицам, приблизился к окну.

– Еще нет. Почту за честь отведать твоей стряпни, юная прогульщица.

Навсикая промолчала.

И принялась раскладывать по тарелкам кашу с овощами. По трем тарелкам, ведь Мерт уже поднималась по спиральной лестнице центрального столба.

– Я могу продолжить обучение?

Вячеслав снял котомку с плеча и повесил на спинку деревянного стула. Серьезно посмотрел на ученицу.

– Можешь. Вопрос в том – захочешь ли.

На кухню вошла Мерт.

– Я ничего не пропустила?

Наставник помахал рукой жене Ольгерда.

– Ты могла пропустить завтрак.

Убийца хмыкнула:

– Ни за что на свете. Навсикая слишком хорошо готовит, чтобы позволить себе такое.

Троица расселась в разных частях стола и принялась неспешно есть. Мерт и Вячеслав нахваливали кашу, а Навсикая никак не могла понять, что происходит.

– Рыка покормила? – слова адресовались старшей подруге.

– Не волнуйся, – с набитым ртом проговорила Мерт. – Он не голоден.

– Ладно, – Навсикая не выдержала. – Выкладывайте, что у вас на уме.

Мерт и Вячеслав переглянулись.

– Рык освоил физическое перемещение в междумирье, – сообщил Вячеслав. – Сегодня ночью он успел поохотиться на одной из планет Дверной Сети. А потом... побывал кое-где.

Навсикая чуть не подавилась кашей.

– Это где же?

– Тебе лучше знать, – подмигнул Наставник. И выжидательно уставился на свою ученицу. – Странные грезы не мешают высыпаться?

Вздохнув, Навсикая рассказала о видении, которое ее посетило ночью. Постаралась описать степь и здание в мельчайших подробностях. Наставник слушал внимательно, кивал и не забывал есть. Мерт просто жевала, задумчиво глядя в пустоту. Когда история завершилась, Вячеслав произнес:

– Это лимб. Мир, в котором однажды побывал Ольгерд.

– Схватка с Броном? – уточнила Мерт.

Вячеслав кивнул.

И продолжил свою мысль:

– Я, например, не могу попасть в лимб. И Ольгерд не мог. А Посторонние ходили через это измерение в наш мир. Не все, правда, только иерархи. И то, насколько я слышал, с помощью жнецов.

Навсикая вздрогнула.

Упомянуть жнецов – не к добру.

– Как туда попал Ольгерд? – спросила Навсикая.

Вячеслав пожал плечами:

– Он единственный из всех нас, кто был в лимбе. Я так понимаю, Брон открыл портал и сбежал, а Архивариус помешала Двери закрыться.

– Ты пробовал это повторить? – девочка в упор посмотрела на учителя. – Ты же Хозяин Дверей.

– Пробовал, – честно признался брат Внутреннего Круга. – Но у меня не получилось. Видишь ли, есть предположение, что лимб находится за пределами Сети, построенной Демиургами. А в такие миры Хозяевам пройти не дано.

– Сон был таким реальным... – задумчиво проговорила Навсикая. – Меня привел в это место Рык. И он к чему-то приняховался. Мы обменивались образами. Понимаете, Рык знал, что Ольгерд побывал в этом мире. Возможно, он застрял в лимбе.

– Но он жив, – уверенно заявила Мерт.

– Безусловно, – подтвердил Вячеслав. – Мы собрались за этим столом, потому что Рык связался с *каждым* из нас. Я был на верхних террасах Гильдии, если хотите знать. Большое расстояние, но слепки прилетели. Рык хочет найти своего хозяина. И он хочет, чтобы *ты* отправилась вместе с ним.

Вячеслав пристально смотрел на ученицу.

Закипел носатый чайник, и Мерт отправилась разливать по кружкам горячий отвар. Махнув Навсикае рукой – дескать, не беспокойся, я всё сделаю.

– Почему я?

Вячеслав ответил не сразу.

– Сложный вопрос. Думаю, зверь рассмотрел в тебе задатки, которые позволят проникнуть в лимб. Ты – руническая девочка, забыла? Умеешь многое, но еще не успела раскрыться. А рлоки... они многое чувствуют. То, что недоступно даже нам, Знающим-на-Перекрестках.

– Он взламывает пространства, – догадалась Навсикая. – Как жнецы и тандрадианцы...

– Верно, – согласился Наставник. – Но... есть некая связь между лимбом и Преддверьем. Ты видела луч – непохожий на те, что связывают воедино Храмы, но всё же луч. Силовую линию. Объединив разумы, вы сумеете отыскать дорогу в промежуточный мир и вытащить оттуда Ольгерда.

Мерт поставила две кружки перед учителем и ученицей. Взяла третью и вернулась на свое место.

Впервые за последние месяцы в глазах хошанки светилась надежда.

– Вытащить Ольгерда, – растерянно повторила Навсикая. – Думаете, нам это под силу? У меня есть задатки, но я же не Хозяйка Дверей. И даже не мастер. Я вообще – никто. Просто недоучка.

– Ну-ну, – Вячеслав перегнулся через стол и потрепал девочку по плечу. – Ты ведь хотела завершить обучение. Сделай это.

– Как? – Навсикая едва не обожглась травяным отваром. – Меня же не будет здесь!

– Если ты найдешь Ольгерда, – заметил Вячеслав, – у тебя будет лучший Наставник по руническому и ножевому бою в Дверной Сети. И за ее пределами, подозреваю, тоже.

– Он не хочет меня учить, – напомнила девочка.

– У него не останется выбора, – встряла Мерт. – Ольгерд захочет вернуться ко *мне*.

За столом повисла тишина.

– Это нечестно, – нахмурилась Навсикая. – Я не могу угрожать такими вещами. Я просто заберу его оттуда и приведу обратно.

– Я не имела в виду угрозы, – рассмеялась Мерт. – Ольгерд – мой муж, забыла? Просто он будет благодарен тебе. И не откажет в наставничестве.

– Мудро, – похвалил Вячеслав.

Пока они разговаривали, на кухню прокрался Рык. Вальяжно прошествовал вдоль южной стены к окну и улегся на пол, не проявляя видимого интереса к разговору.

Даже не верилось, что рлоки настолько упертые. И настолько обучаемые. Впрочем, следовало признать, что Рык отличается от подавляющего большинства своих полярных сородичей. Не обладая речевыми навыками, зверь *договаривается*. Умея странствовать разумом в иных измерениях, хищник не остановился и развил в себе новое умение. Правду говорят: питомец похож на своего хозяина.

– Я хотела учиться у вас, – тихо произнесла Навсикая. – Вы – мой Наставник.

– Меня учили двое, – возразил Знающий-на-Перекрестках. – Так случилось. Северянин по имени Стиг, великий мастер дуэльных клинков. Ученик самого магистра Нге. Он вытащил меня из Урхата, спас от фанатиков, решивших вырезать мою семью. За что я буду ему вечно признателен. Но Наставник Стиг не умел открывать Двери. И я был вынужден продолжить обучение у другого брата Внутреннего Круга.

– Как его звали? – спросила Навсикая.

– Мастер Айг, – Вячеслав погрузился. – Предыдущий Хозяин Дверей. В одном из дальних миров Сети его укусила ядовитая тварь, но Айг сумел вернуться в Преддверье и передать мне «Дневник». Через три дня он умер. Мы лечили его всеми доступными способами, но не сумели спасти.

– Очень жаль, – сказала Навсикая.

– Издержки профессии, – пожал плечами Вячеслав. – Но мы отвлеклись. Пора тебе узнать всю правду о пророчествах, которые братья Внутреннего Круга передают из поколения в поколение.

Вячеслав сделал большой глоток и отставил пустую кружку.

– Первое пророчество связано с Хозяином, который научится открывать любые Двери. Где угодно, не обязательно в точках пересечения силовых линий. Этот мастер обретет подлинную свободу, ведь он отмечен печатью Демиургов. Вот только... он будет последним из нас.

– В смысле? – не поняла Навсикая.

– Пророчества туманны, – пожал плечами Вячеслав. – Быть может, во вселенной настанут мир и спокойствие, тогда Хозяева уйдут на покой. Да и мастера Гильдии – тоже. Или наши предшественники что-то неверно поняли, неправильно перевели. Пророчество устное, записи не сохранились.

– Ты говорил о двух пророчествах, – напомнила Мерт.

– Их еще больше, – хмыкнул Знающий, – но лишь два представляют интерес для Навсикай. Итак, руническая девочка. Она появится, когда Преддверью будет угрожать серьезная опасность. Мы думали, что речь идет о Посторонних, но война закончилась, Твердь и Облака победили. Других опасностей я пока не вижу.

– Коэн говорил об уничтожении Земли, – возразила Мерт. – Причем, это должны сделать Демиурги.

– Вряд ли рунический ребенок сможет противостоять богам, – улыбнулся Вячеслав. – Вероятно, речь идет об угрозе, с которой мы еще не сталкивались. Ну, или Посторонние вернутся.

– И что известно об этом ребенке? – уточнила Мерт.

– Почти ничего, – пожал плечами Наставник. – Это великий воин, который откроет все грани рун. И встанет на пути наших врагов – не уточняется, каких именно. Изменит судьбу Преддверья, разрушит все предназначения. Откроет тайны прошлого, настоящего и будущего. Будет учиться у разных мастеров, но изберет собственный путь... Всё расплывчато.

– И что вы думаете? – поинтересовалась Навсикая.

– Кто я такой, чтобы судить о древней мудрости... Впрочем, любые факты трактуются людьми. Что мешает одному человеку быть руническим ребенком и последним Хозяином Дверей? Вдруг эти пророчества – стороны одной медали? Я ничего не знаю.

– Но мне нужно идти, – уверенно заявила девушка.

– Да, – кивнул Вячеслав, – нужно. По причине, которая нам обоим известна.

– Если друг в беде, ему помогают, – выдохнула Навсикая.

– Именно.

На краткий миг в комнате сгустились тени минувшего. Сокё, безжалостно отрубивший голову Хруму. Бойня, которая едва не привела к гибели всех присутствующих людей. Израненный Вячеслав, Мерт со своими снадобьями...

Схлынуло.

Ворошить прошлое без надобности не стоит.

– Когда отправляться? – Навсикая бросила косой взгляд в сторону Рыка. Зверь шевельнулся, зевнул, обнажив ряды острых клыков, и сел на задние лапы. Он был готов идти за Ольгердом хоть сейчас.

– Тебе решать, – Наставник выпрямился. – А мне пора.

– Уходите? – расстроилась Навсикая. – Так скоро?

Вячеслав долго смотрел на свою ученицу, а потом тихо произнес:

– Я пробыл здесь достаточно.

Они распрощались.

После ухода Знающего Навсикая поняла, что пути назад не будет. Решение принято, осталось лишь сделать первый шаг по дороге в неизвестность.

Вещи она собрала быстро.

В мешок положила лишь самое необходимое – то, без чего не обойтись путешественнику в любой точке Тверди. Оделась, как и положено странствующему мастеру, упрятав чехлы с ножами под невзрачную серую хламиду. Рык спокойно наблюдал за приготовлениями девочки, разлегшись у ее кровати. Теперь зверя не надо было кормить – он раздвигал складки пространства, перемещался *вниз*, в дремучие лесные чащи Северного Альянса, и охотился подобно своим легендарным предкам. Наверное, Рык был самым удивительным хищником планеты.

Мерт обняла девочку на прощание.

Они многое могли бы сказать друг другу. О дружбе, верности, долге. О несбыточных мечтах и предзнаменованиях. О клинках, рассекающих воздух в тишине вечерних комнат... О том, что Навсикая бросается в омут очередного приключения, так и не свидевшись с братом.

В словах не было нужды.

Навсикая повернулась к Рыку, давая понять, что готова. Рлок мгновение стоял неподвижно, глядя в точку у дальней стены. А потом реальность всколыхнулась, побежали круги изменений, комната наполнилась *чуждыми пространствами*.

Распахнулся портал.

Глава 7. Тшуммех

Солнце карабкалось к зениту, а вместе с этим нарастала жара. Гребни барханов расчертили пустыню аккуратными полумесяцами, наполнили пространство причудливыми тенями. Ни ветерка, ни единого движения воздуха, застывшего в патоке безвременья. Вокруг – только пески. И лишь на востоке, если приложить ладонь козырьком к глазам, просматривается что-то бесформенное и черное.

Кусок скалы?

То, что Илорн видел перед собой, не было похоже на руины. На одинокий утес – тоже.

– Надо идти, – поторопил Маркус. – Пока не слишком жарко.

Маги промахнулись с порталом буквально на полстадии. Или чуть больше. Не катастрофично, но остаток пути придется проделать пешком.

Сухот-Дарракан.

Пустыня была бесконечной и грязно-рыжей, без малейших признаков растительности. Черные небеса стремительно голубели, стирая звезды с грифельной доски вселенной. Две луны еще просматривались, но уже побледнели, стали почти прозрачными.

Илорн держался за витой белый посох, навершие которого превращалось в скрюченную когтистую лапу, намертво вцепившуюся в граненый фиолетовый кристалл. Походное оружие боевого мага, готового к любым неприятностям в богами забытых подземельях. Белое дакотское дерево с сердцевиной из ятобы. Зачарованное добрым десятком обережных заклинаний. Такие посохи выдерживают прямые рубящие удары мечей и топоров, а если надо, проминают вражеские доспехи не хуже булавы. Не говоря уж о других вещах из арсенала знающего толк в магии гильдмастера.

Одеться пришлось в легкую белую мантию, а на голову намотать тюрбан, предложенный Маркусом.

Наматывать тюрбан – целое искусство.

Илорн эту науку освоил не сразу, пришлось повозиться с белой материей под обидный смех проводника. Волосы маг собрал в пучок, после обернул голову паткой и принялся накручивать пагри. Делать это следовало по диагонали, не менее шести раз, затем трижды – вокруг темени. И аккуратно подоткнуть края ткани, чтобы конструкция не развалилась. Получилось с шестого раза.

Сейчас, спускаясь по осыпающемуся склону песчаной дюны, Илорн понимал, что не зря уделил время экипировке. Сухот-Дарракан медленно превращался в раскаленную сковородку.

Маркус выбрал для тюрбана красную ткань, а сам облачился в просторный светло-серый халат – безразмерный и подпоясанный широким кушаком. Илорн позволил проводнику идти первым, а сам держался в трех шагах позади, внимательно осматривая окрестности. Мех с водой на веревочной затяжке был переброшен через плечо. Жидкость перекачивалась внутри, но плеска Илорн не слышал – наливал под самую пробку. Сумку с едой тащил Маркус. Обычный матерчатый рюкзак с широкими ляжками. Выгоревший на солнце, поблекший от бесчисленных странствий. Второй мех проводник нес в правой руке.

Илорн понимал, что поход не будет слишком долгим, поскольку волшебники Гильдии поддерживали портал в рабочем состоянии. Но мольбам предусмотрительного проводника вял – всякое бывает...

Песок быстро набился в сандалии.

Волшебник продолжал идти, оставляя за спиной длинную цепочку следов. Точка увеличилась в размерах, расширилась, и вскоре стало понятно, что впереди – рукотворный объект.

Половину стадии странники одолели быстро.

Замерли перед скоплением каменных плит, частично занесенных барханами. Пирамидальное строение уступами громоздилось в блеклое небо. Казалось, перед Илорном неведомые титаны воздвигли памятник Времени. Бесчисленные поколения умирали и рождались на двух континентах, а эти монолитные блоки даже не растрескались.

А потом гильдмастер увидел печать. Врезанный в плиту круг с искусно выбитыми письменами и символикой Триумvirата – лунами, вписанными в два треугольника. Получался то ли ромб, то ли звезда. Через печать протянулась косая трещина, напоминающая зигзаг молнии. Сквозь пролом выглядывала тьма – дряхлая и сонная.

– А где вход? – спросил Илорн.

– Я покажу, – проводник двинулся направо, в обход печати. Обогнув пирамиду с северной стороны, они начали подниматься вверх по крутым уступам.

Лестница богов.

Илорн много читал о магических печатях, которые накладывались на схроны и целые города великими волшебниками. Круги с письменами и символами, оберегающие сокровища от разграбления, а стены – от разрушения. Время струилось, обтекая гробницы, храмы и усыпальницы. Деревья не вращались в кладку, звери не проникали внутрь, чтобы устроить гнездовья и логовища. Быть может, Гримлиэль и сумел бы сотворить нечто подобное сейчас, но не видел в этом острой нужды. Все знали о пренебрежении могучего колдуна к материальным ценностям и накопительству...

Некоторые печати убивали.

Явится осквернитель, не сумеет вломиться под своды склепа, походит кругами и отправится восвояси. А через неделю умрет в страшных муках, пополнив собой список жадных дураков.

Илорн карабкался по уступам не спеша, прислушиваясь к своим чувствам и тихо нашептывая вскрывающие заклиния. Тело гильдмастера окружала незримая аура, чувствительная к любым изменениям ментального плана. Если и притаились в Сухот-Дарракане жуткие проклятия колдунов Триумvirата, то давно рассыпались в пыль – вместе с воспоминаниями о сломанной печати.

Путники остановились на высоте трехэтажного дома – там, где под уклоном в сорок пять градусов сошлись две массивные каменные глыбы, вписанные в прямоугольник входа.

– Заперто, – в голосе Илорна прозвучало удивление.

– А ты как думал, – с насмешкой ответил проводник. – Я тоже не смог спуститься туда.

И никто не может.

– А почему ты решил, что эта груда камней – мифический Тшуммех?

– Прочитал.

Илорн склонился над плитами.

Надпись действительно обнаружилась. Высеченные в камне буквы, вне всякого сомнения – язык Триумvirата, от которого произошли все современные наречия Пацифиды.

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ТШУММЕХ. ПРОКЛЯТЫЙ ГОРОД, НА КОТОРЫЙ РАЗГНЕВАЛИСЬ БОГИ.

– Дальше я не пойду, – предупредил Маркус.

Илорн внимательно посмотрел на проводника.

– Без меня ты не вернешься в Кобар. И награду не получишь.

– Я подожду здесь, наверху, – заявил упрямый проводник. – Если ты не против. Волшебник пожал плечами.

– Мне всё равно.

Отвернувшись от Маркуса, он взялся за изучение преграды. Плиты были огромными и монолитными, без единого стыка. Цельные куски камня. Там, где глыбы сходились, пролегла ровная линия, запорошенная песком. В центре врат красовался уже знакомый символ – круги и треугольники. Инструкций по открытию не прилагалось.

Илорн решил попытаться счастья с фамильяром-взломщиком. Усевшись перед воротами на колени и отложив посох, он достал из поясного мешочка несколько артефактов. Сизое птичье перо, зуб мертвеца, кусочек коры и длинную стальную иголку. Аккуратно разложил реликвии на песке. Тихо прочел нужное заклинание и вдохнул в фамильяра жизнь. Из рта гильдмастера вырвалось серебристое облачко, зависло над разложенными предметами и начало втягивать их в себя. Безумный хоровод длился несколько мгновений. Крохотный смерч взвихрил песчинки, обнажил гладкую поверхность камня. А потом изумленному взору Маркуса предстал блестящий червь. Казалось, создание выплавлено из металла, не успевшего остыть в тигле. Тварь скользнула к воротам, просочилась в узкую щель, и странные чудеса закончились.

Гильдмастер продолжал сидеть, поджав под себя ноги.

– Это сработает? – вырвалось у Маркуса.

– Еще как, – ухмыльнулся Илорн.

Из гранитной утробы донеслись тихие скрипы, затем – нарастающий скрежет. Ожили скрытые механизмы, и плиты с тяжелым гулом поползли в стороны. Тонкая щель расширилась, превратившись в черную ленту. Песчинки заплясали на свету – легкая взвесь тысячелетий.

Монолитные блоки продолжали втягиваться, пока не вросли в неровные стены.

Гул стих.

Перед Илорном открылся провал, сопоставимый по размерам с воротами крепости. Вместо ожидаемых ступеней волшебник увидел ровную горизонтальную поверхность...

И почувствовал движение.

Плита, на которой сидел маг, поехала вниз. Плавный и неотвратимый спуск. Испугавшись, гильдмастер ухватился за посох, вскочил на ноги и приготовился к бою. Сверху на него смотрел изумленный проводник.

Драться не потребовалось.

Громадная призма застыла, поравнявшись с барханами и уступами первого яруса.

В глубине Тшуммеха вспыхнул свет.

Легендарные панели, созданные магами Триумвирата в те дни, когда Демиурги еще не покинули Преддверье. Быть может, подумал Илорн, к постройке города приложили руку сами боги.

Мысль ошеломляла.

Панели заработали в тот момент, когда на пороге Тшуммеха появился человек. Не раньше и не позже. Удивительно...

Илорн неспешно двинулся вперед.

Печать сломана, но это не означает отсутствие ловушек. Если Маркус привел своего нанимателя в обычную усыпальницу, под полом могут обнаружиться скрытые пружины, приводящие в действие клинки, самострелы, емкости с ядом... Да мало ли, что придумали владельцы Пацифиды, чтобы обезопасить свой вечный сон...

Перед Илорном развернулся каменный каньон, в котором свободно могли разъехаться две конных повозки. Серьезный аргумент для подземного города. И, похоже, конструкция состояла из подвижных блоков, которые, при необходимости, могли смещаться в разных направлениях. Панели были вмурованы в потолок пирамиды, а также в стены. Сделано это было в шахматном порядке.

Гранитный язык, по которому шел волшебник, забирал влево. Впереди появился массивный парапет, сложенный из прямоугольных блоков известняка. Парапет закручивался в спираль и, подобно морской раковине или винтовой лестнице замковой башни, проваливался в

бездну. Именно в бездну, потому что Илорн, приблизившись к самому краю провала, не сумел рассмотреть внизу дна.

Бесконечные витки – и всё.

Выбора ему не оставили.

Маг двинулся по наклонной поверхности, оставляя за спиной пустыню, до смерти перепуганного проводника и открытый в представительство Гильдии портал.

Никаких ступеней.

Ровная, хорошо вытесанная поверхность, идущая под уклон.

Илорн не понимал, как в былые времена хозяева Пацифиды торговали, снабжали город провиантом, одеждой и другими необходимыми вещами, откуда брали воду, как проектировали канализацию. Без магии точно не обошлось. Крестьяне часами везли бы продукты по этой петляющей дороге, а потом ведь еще возвращаться обратно, карабкаясь в гору... Создавалось ощущение чего-то иррационального, противоестественного.

Спираль вкручивалась в пустыню размашистыми витками. Постукивание посоха эхом разносилось под сводами древней столицы. Стены под световыми панелями были украшены причудливой резьбой и барельефами, изображающими сцены из жизни властителей. Илорн с увлечением рассматривал искусную работу забытых мастеров. Мчались куда-то колесницы без лошадей, шетинились копья, вздымались мечи, восставали крепости. Из арочных провалов выбирались жуткие чудовища. Среди лун парили создания, напоминающие браннеров...

Дорога расширилась.

Илорн заметил, что на каждом витке спирали стали появляться запертые двери, ведущие неизвестно куда. Двери были каменными – во всяком случае, выглядели таковыми. Волшебник проходил мимо, справедливо полагая, что самое интересное ожидает его внизу. С каждым новым шагом Илорна переполняло восхищение. Он и представить себе не мог, что в пустыне можно воздвигнуть нечто подобное. Поблизости нет гор и естественных пещер, материалы наверняка приходилось везти за сотни и тысячи стадий. Возможно, доставлять через порталы. Или...

У них же, если верить Маркусу, был свой Храм.

Действующий.

Позже Храм отключили от Сети по неведомым причинам. А что, если в этом же районе была распахнута Дверь? В исторических документах об этом событии ничего не написано. Так ведь не все документы могли уцелеть...

Илорн, как и все континентальные жители, знал, что *вечные* Двери распахиваются лишь на Небесных Скитах. Кажется, это сделано, чтобы уберечь людей от неведомой угрозы, однажды нависшей над миром-перекрестком. Скиты устроены таким образом, чтобы пропускать через Двери не всех подряд. Посторонние, например, не имеют возможности свободно странствовать по Сети. Но ведь существовали раньше закрытые Двери, верно? Почему бы одной из них не обнаружиться в Тшуммехе... Или еще где-нибудь. В таинственном Крондате, например.

Размышляя так, Илорн не заметил, как достиг дна рукотворной пещеры. И оказался в центре просторного зала с округлыми сводами и многочисленными колоннами, вросшими в пол. Под ноги волшебнику легла брусчатка, все элементы которой были идеально подогнаны друг к другу.

Колоннада простиралась во все стороны, формировала арки и галереи, растворявшиеся в молочно-белом свете вечных панелей. От сложности этого архитектурного решения кружилась голова.

– Эй! – крикнул Илорн.

Голос раздробился на десятки осколков и умчался вдаль – тревожить тысячелетний покой мертвой столицы.

Направление не играло никакой роли.

Илорн двинулся вперед, разбрасывая гулкие шаги по остывшей утробе прошлого. Углубившись в недра молчаливого леса, облицованного полупрозрачными световыми квадратами, волшебник начал присматриваться к деталям. Потолок украшали фрески, от которых веяло чужеродностью и седой стариной. Изредка брусчатка вспучивалась странными выростами, напоминающими стелы или замшелые менгиры северных лесов. Илорн приблизился к одному из таких выростов и обнаружил, что рисунок брусчатки под ногами изменился. Гранитные кубики из темно-коричневых превратились в светло-серые и сформировали правильный круг диаметром в дюжину локтей. На стеле красовалась гравировка. Три стыкующихся углами квадрата и надпись:

КАЗАРМЫ

Рядом со стелой обнаружился рычаг, который Илорн незамедлительно потянул на себя. Круг вместе со стелой и волшебником провалился вниз – в идеально ровную вертикальную шахту цилиндрической формы. Спрятанные под ногами механизмы утробно загудели. По мере погружения гильдмастер мог видеть световые кольца, вспыхивающие и гаснущие на скругленных стенках шахты.

Браслет тьмы – открылся следующий подземный уровень.

Россыпь панелей освещения.

Илорн стоял на полу обширного помещения с низким прямым потолком. Похоже, коридор. И черные провалы дверных проемов, ведущие в комнаты, где некогда жили воины Тшуммеха.

Гильдмастер не удержался и заглянул в одну из комнат. Панели выхватили обветшалые останки то ли коек, то ли саркофагов. Пахло пылью и запустением. Никаких скелетов не обнаружилось – Тшуммех был намеренно покинут людьми. Странно, что мебель так хорошо сохранилась, подумал, Илорн. Магия, отсутствие сырости и незримых организмов? Волшебник насчитал около двух десятков постелей, причем все они были двухъярусными.

Что ж, интересно.

Но Илорн явился не за этим.

Чтобы подняться в зал с колоннадой, ему пришлось вернуться к стеле и переместить рычаг в исходное положение. Рычаг, кстати, не производил впечатление металлического. Пока кусок пола возносился к сводчатым пространствам, Илорн внимательно рассматривал примитивный механизм. То ли обсидиан, то ли еще что-то подобное. Ни следа ржавчины...

Прислонив к стеле посох, Илорн снял через голову мех, открыл крышку и сделал несколько живительных глотков. Вода всё еще была прохладной.

Что ж, план очевиден.

Следует отыскать шахту с Храмом Демиургов. На это может уйти целый день, но награда превосходила любые ожидания.

Илорн стал переходить от одной стеле к другой, внимательно читая надписи. Двигался маг по раскручивающейся спирали, пометая изученные объекты тайными метками Гильдии. Для непосвященных – мерцающая оранжевая точка, которая исчезнет через пару недель.

Время утратило смысл.

Перед Илорном открывалась масштабная многоярусная конструкция с множественными точками переходов. На отдельных стелах попадались надписи такого содержания:

КВАРТАЛ ЛИТЕЙЩИКОВ – ОРУЖЕЙНЫЕ ЛАВКИ – ЧЕКАННЫЕ РЯДЫ

Это означало, что под «кварталом литейщиков» располагалось еще несколько уровней.

Илорн терпеливо продолжал свой путь, изредка прикладываясь к меху. До сих пор он не встретил ни одной лестницы – похоже, властители Пацифиды слепо доверяли механике. Либо вмонтировали пролеты в дальние стены зала, до которых гильдмастер еще не добрался.

Волшебник почти утратил надежду отыскать что-либо стоящее, как вдруг его внимание привлекла пирамидальная стела с полустершейся надписью:

ЖИЛЫЕ ГАЛЕРЕИ – КАРТОГРАФИЯ – ПОКОИ МУДРОСТИ – РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ

Распределитель.

Говорят, именно этим словом Демиурги окрестили свои Храмы. Значит, не врут легенды.

Вот только...

Рычаг был сломан.

Точнее – спилен. Под корень, так, чтобы никто из потомков не сумел воспользоваться. Да и саму надпись неведомые вандалы пытались затереть, хотя и безуспешно.

Вздыхнув, Илорн принялся наколдовывать фамильяра-взломщика.

Глава 8. Всплывающие подсказки

Женщина с каштановыми волосами, прихваченными обручем, спокойно смотрела на визитера. Обычная сорокалетняя женщина, тонкобровая, с карими глазами и резкими чертами лица. В неброской одежде, которую при всем желании не запомнишь. Пестрая трордорская толпа моментально пожрала бы Архивариуса, превратив в одну из тысяч мешанок, выбравшихся на базарную площадь за продуктами в ясный день. По левую и правую руку незнакомки стояли мужчины, готовые в любой момент расправиться с неожиданным гостем. Оба – молодые, сильные, с холодными и отстраненными взглядами. Никаких мантий снов и прочей мишуры. Вот только сомневаться не приходилось – это Стражи, переделанные воины Блуждающего Скита.

Незнакомка...

Вовсе нет.

Коэн уже видел эту женщину в прошлой жизни. Много лет назад, на палубе «Мемфиса», в разгар межконтинентальной войны.

– Странствующий посредник, – губы Архивариуса тронула легкая усмешка. – Настойчивость, достойная лучшего применения.

Стражи мягко скользнули вперед – их движения были по-кошачьи экономными и плавными.

Женщина остановила переделанных взмахом руки.

– Ты убил нашего Стража.

Коэн не стал спорить.

– Он встал на моем пути. И тебе известно, что его полномочия были превышены. У меня есть право, дарованное основателем Блуждающего Скита.

Мужчины замерли в нерешительности. Оба – совершенно одинаковые. Короткие стрижки, худощавое телосложение. Одежда, не стесняющая движений. Широкие черные штаны, однобортные рубашки навыпуск со стоячими воротниками. Завязки-петли вместо пуговиц. Черный цвет, никаких узоров и символики. Обувь – нечто, напоминающее мокасины. С тонкими подошвами, без шнурков.

Коэн понимал, что против этой пары бойцов у него нет шансов. Да и знакомого мастера ножей поблизости не наблюдалось.

Взгляд женщины казался отстраненным.

Несколько мгновений Архивариус всматривалась в пространство над головой Коэна, затем последовал короткий кивок.

– Ты прав. Страж должен был тебя пропустить.

Волшебник не спешил расслабляться.

Похоже, Архивариусы могли видеть прошедшие события. Непостижимым образом, как и всё, что делали прямые наследники Демиургов. Утраченные технологии – ими было пронизано всё, что окружало взыскующего ответов.

– Чего ты хочешь, Коэн? Зачем явился?

– Предотвратить войну. Спасти Землю. Для этого мне нужны ответы на кое-какие вопросы.

– Доступ в Архив, – усмехнулась женщина.

Волшебник кивнул.

И тихо произнес:

– Я мог бы попросить Архивариусов приобщиться к моим поискам. Но вы предпочитаете не вмешиваться в дела обычных людей. Храните знания, которые никогда не будут востребованы. Устраняетесь от всего...

– Ни слова больше, – голос женщины сделался властным, и Коэн от неожиданности замолчал. – Я не собираюсь обсуждать правила наших орденов.

– О том, что случилось в Стимбурге, ты знаешь, – продолжил Коэн. – И всё равно не вмешайся?

На миг показалось, что кареглазая женщина колеблется. Впрочем, принимает ли она решения в одиночку? Коэн ничего не знал о внутреннем устройстве орденов Безымянного Скита, иерархии Архивариусов, Изменчивых и Стражей.

– Ты прав, – признала женщина. – Не вмешайся. И знаешь, почему? Вселенная может развалиться на атомы, а моя миссия останется неизменной. Оберегать знания, накопленные человечеством...

– Я хочу отыскать дорогу к Демиургам, – перебил посредник. – Поговорить с ними.

– Думаешь, что-то изменится? – равнодушно поинтересовалась женщина. – Они шагнули очень далеко в своем развитии. Тебе нечего предложить.

Коэн пожал плечами.

– Я попробую.

Женщина вздохнула.

– Что ж, Коэн из Предельных Чертогов. Тебя можно понять. Я предоставляю тебе допуск в Архив. Ты не получишь статус Архивариуса, поскольку не являешься одним из нас. Помощь – получишь. Мы научим тебя пользоваться Хранилищем, искать нужную информацию, работать с *аналитической средой*. На это уйдет время.

– Сколько дней у меня есть?

– Живи здесь, сколько понадобится, – улыбнулась Архивариус. – Ты не ограничен во времени. И в своих передвижениях по Скиту – тоже. Но мы будем присматривать за тобой в разумных пределах.

– Это понятно, – кивнул волшебник.

Женщина сделала приглашающий жест рукой, отвернулась от посредника и вошла под своды арки. Фигура Архивариуса тотчас растворилась в волнующейся серой мути. Коэн покоился на Стражей – те невозмутимо ждали, заняв позиции в противоположных углах террасы.

Коэн двинулся вслед за провожатой.

Портал вывел его в холл, утопающий в ворсе широченного ковра и обставленный по периметру мягкими креслами. В недрах ковра деловито ползали какие-то механизмы, напоминающие капли расплавленного металла. Не исключено, что эти создания были фамильярами-уборщиками.

Стены холла были обшиты дубовыми панелями, создающими дополнительный уют. Взгляд случайно зацепился за картину в старинной позолоченной раме, изображающую восход трех лун над Трордором. Коэн безошибочно узнал стиль Клода Детремора, одного из величайших имперских художников позапрошлого столетия. С двух сторон картина была подсвечена вытянутыми плоскими лампами.

– Вэй, – сказала женщина, дожидавшаяся визитера у противоположной стены холла. – Так меня зовут.

Посредник уверенно пересек пространство ковра и оказался рядом с Архивариусом.

Из холла в нутро Блуждающего Скита вела одна-единственная дверь. На вид – совершенно заурядная. С ручкой, петлями и полотном. Без выпуклостей, вставок и пафосных символов. Просто дверь. С маленькой буквы.

– Рад знакомству, – Коэн говорил искренне. Теперь он видел, что кареглазая Вэй обладала еще и азиатскими чертами лица. Не чистыми, дополненными европейской угловатостью и русской жесткостью. Так сразу и не определишь этническую принадлежность. Впрочем, о какой принадлежности можно говорить в мире, где нации перемешались и сварились в общем котле примерно десять тысяч лет назад.

Вэй не удостоила его ответом.

Отворив дверь, бросила через плечо:

– Не отставай.

Перед Коэном протянулся длинный коридор, освещенный магическими панелями. Светильники были встроены в потолок и образовывали два ряда кругов, сходящихся в перспективе через пару сотен локтей.

Вэй двинулась вперед – мимо однотипных запертых дверей, вросших в плоть коридора через каждые пятнадцать шагов.

– Куда мы идем? – поинтересовался Коэн.

– Тебе выделена гостевая комната, – последовал холодный ответ. – Поселишься там и будешь ожидать дальнейших распоряжений.

Их шаги тонули в вездесущем ковровом ворсе.

– Комната подключена к *интерфейсу* Хранилища, – продолжила Вэй. Слово «интерфейс» ничего не говорило посреднику. – Ты сможешь получать информацию, не покидая пределов своего жилища.

Коэн с удовольствием отметил, что Стражи за ним не последовали. Вероятно, это означало, что гостя не собираются держать под охраной. Правда, ему не давали покоя слова Вэй о том, что сведения можно добывать прямо из комнаты. Явный намек на то, что не следует слоняться по Скиту без надобности и лезть в дела Архивариусов. Что ж, это его вполне устроит.

Сотня шагов.

Вэй и Коэн остановились перед дверью, маркированной цифрами «114». Символы высвечивались на древесине яркими фиолетовыми вставками. Никаких бронзовых накладок, окошек и кованых элементов. Ручка – без украшений. Замочная скважина отсутствовала напрочь.

– Прошу, – Вэй отступила в сторону.

Коэн опустил ладонь на ручку и тихонько нажал. Прохладный металл, ничего особенного. Раздался тихий щелчок, и дверь открылась. Внутрь, что логично в таком узком коридоре.

Вспыхнул свет.

– Ключа нет, – пояснила Вэй. – Дверь реагирует на твое прикосновение. Прочие обитатели Скита не смогут войти. Ты можешь чувствовать себя в безопасности, посредник.

Коэн переступил условную линию порога и оказался в «комнате». Точнее – в просторных апартаментах, состоящих из гостиной, спальни, уборной и ванной комнаты. О существовании последних Коэн догадался, бросив взгляд на пару дверей с непонятными обозначениями. По левую руку от волшебника располагался полированный фасад старинного платяного шкафа – слишком древнего даже по стимбуржским меркам. Перехватив взгляд посредника, Вэй улыбнулась:

– Интерьер меняется по воле жильца. Чуть позже мы научим тебя управлять *интерфейсом* комнаты.

Опять это раздражающее понятие.

Гостиная соединялась со спальней арочным проемом. А прямо по курсу обнаружился выход на террасу. Часть стены отсутствовала, и ветер чужого мира врвался в апартаменты взыскующего ответов.

– По ночам холодает, – сообщила женщина. – Из стен *автоматически* выдвигается остекление. Доступ на террасу сохранится, но придется отдавать приказы через *бытовую панель*. Мысленно.

Посредник с умным видом кивнул.

«Автоматически».

Скит управляется вовсе не магией, как виделось изначально. Древние, забытые *технологии*. Умные машины Демиургов, о существовании которых ходили легенды. Спящие меха-

низмы, которые прислуживали человеку в стародавние времена. Как те капли, что чистили ворсинки ковра в холле.

Коэн бегло осмотрел свое жилище. Вся мебель – подчеркнуто старинная, вырезанная из древесины лиственных пород. В неовикторинском стиле. С потолка свешивалась громадная многоступенчатая люстра. Неподалеку от террасы в стену был врезан камин, напротив которого покоилось монументальное кожаное кресло. Бежевое. Под стать лакированному паркету и плетеным банкеткам. У противоположной стены красовалась белоснежная софа на причудливо изогнутых ножках, по которой нарочито небрежно были разбросаны декоративные подушки. А еще были зеркала, картины, торшер и невесть откуда взявшиеся на каминной полке канделябры.

Спальню Архивариусы вписали в трехсторонний эркер. Там же размещался письменный стол – черный, лакированный и весьма солидный. В поле зрения попал стул с высокой изогнутой спинкой. Кровать была широкой, приземистой, снабженной высоким изголовьем с резными деревянными вставками.

– Впечатляет, – оценил Коэн.

Посредник не привык к подобной роскоши, предпочитая лаконичный походный стиль «Мемфиса».

– Искусственный интеллект опирался на представления о современной культуре Стимбурга, – сообщила Вэй. – Всё можно поменять, если хочешь.

Коэн вышел на террасу.

Перед ним простиралась пустыня. Нескончаемая вереница дюн, торчащие кое-где пучки жухлой травы, останки кирпичных зданий. Справа виднелся полуразрушенный дом с треснувшей печной трубой и кривым деревом, проросшим сквозь кровлю. Крона у дерева отсутствовала, ветви почернели от старости и дефицита влаги.

Скит смешался к западу.

Похоже, Архивариусы не ставили перед собой задачу набрать высоту. Никого не боялись. Да и кого тут бояться? За всё время своего пребывания в лимбе Коэн не заметил ни одного поселения разумных существ. Пустыня тянулась в четырех направлениях, и на всем ее протяжении встречались только руины. Безжизненные и давно покинутые.

– Не понимаю, – вырвалось у посредника.

– Что? – переспросила Вэй.

– Во время последней войны лимбом пользовались иерархи Посторонних, – объяснил свою реплику Коэн. – Они имеют сюда доступ, насколько мне известно. И жнецы – тоже. Вы полагаете, что Хранилище находится в безопасности?

Странная самоуверенность.

Последние слова Коэн не высказал вслух.

– Ты плохо представляешь геометрию этого мира, – снисходительно улыбнулась Вэй. – У лимба нет ничего общего с планетами. Это сложная топографическая конструкция. Чтобы попасть в определенную точку пространства-времени, надо знать координаты *аналога* в реальной вселенной. Путешествие через эту пустыню может затянуться на века.

– И как вы в ней ориентируетесь?

– Никак. Обязанности по управлению Скитом лежат на искусственном разуме. Это кормчий, не совершающий ошибок.

Волшебник задумчиво кивнул.

Да, похоже многие ответы следовало искать именно здесь. Чувствовалось, что к созданию лимба приложили руку сами Демиурги. Ну, или не к созданию, а к освоению. Вряд ли магелланцы наткнутся на Блуждающий Скит в обозримом будущем. Изящное и простое решение.

Коэн вернулся в гостиную и прислонил посох к стене. Он понял, что находится в окружении друзей. Пусть загадочных, непостижимых, но вовсе не таких враждебных, как могло бы показаться изначально.

– Вэй, – вкрадчиво произнес Коэн, глядя в упор на Архивариуса. – Я не знаю, сколько у меня времени. Думаю, мало. Предлагаю сократить мое пребывание здесь.

– Каким образом? – женщина слегка изогнула бровь.

– Вы, Архивариусы, знаете тайного агента Демиургов на Земле, – улыбнулся Коэн. – Сообщите мне его имя.

– Так просто, – хмыкнула Вэй.

– Зачем усложнять? Я поговорю с представителем творцов и наверняка сумею уладить намечающийся конфликт.

Женщина покачала головой.

– Нет.

– Что – нет?

– Я не имею права на разглашение этой информации. Поэтому – нет. Кроме того, я не думаю, что твои действия увенчаются успехом.

– Почему?

– Если Земле суждено погибнуть – она погибнет. Пойми одну вещь, Коэн. Наши предки – вовсе не бездушные мясники, как полагают Посторонние. Война с магелланцами далась им тяжело. А Земля – их родной дом. Но опасность, исходящая из Магеллановых Облаков, слишком велика. Скажу больше: утечка может произойти здесь, в Хранилище Скита. И это – потенциальная угроза всем нам.

– И всё же я получил допуск.

– Как доверенное лицо, – кивнула Вэй. – Я не знаю, что будет, если о твоих поисках узнают Демиурги. Не знаю, готовы ли они говорить с тобой. При этом есть... определенные обязательства перед нашим основателем. Поэтому ты до сих пор жив и обладаешь доступом к запретным знаниям. Я не имею права чинить препятствия. Но и выкладывать на блюдечке координаты системы творцов не намерена. Хочешь проблем – ищи сам. Мы поняли друг друга?

Коэн долго смотрел на Вэй. Хотелось высказаться о двойных стандартах, меняющихся обстоятельствах и неизбежных решениях. Вот только все эти высказывания приведут к бессмысленному спору, отнимут кучу времени, а результата не дадут. Надо приступать к поискам.

– Хорошо, – согласился посредник. – Мы поняли друг друга. Что такое интерфейс?

– Оболочка, – охотно пояснила Вэй, – позволяющая взаимодействовать с искусственным разумом.

– Машинный бог, – кивнул посредник.

– Да, я слышала, что в Стимбурге ИИ называют именно так, – Вэй подбирала слова, чтобы не обидеть невежественного гостя. – Технически разум, созданный творцами, превосходит человеческий. При этом есть ряд ограничений, заложенных в изначальный код, они гарантируют нам безопасность. ИИ привыкли подчиняться, они видят в нас... родственников, нуждающихся в опеке.

– У нас машинные боги спят, – напомнил Коэн.

– Ошибаешься, – женщина покачала головой. – Некоторые наблюдают за происходящим, не обнаруживая себя. Таких много, поверь.

Посредник обдумал слова собеседницы. И пришел к выводу, что Вэй права. Он слышал о звездных кораблях, передающихся из поколения в поколение. Об артефактах, которым поклонялись могущественные волшебники тайных орденов...

– Ладно, – Коэн неспешно прогулялся по комнате, остановился рядом с высоким торшером. Потянул за плетёный шнурок – загорелся мягкий, чуть желтоватый свет. Электрический, судя по всему. – Машинный мозг координирует ваш путь. Но он же не руководит вами?

– Нет, – усмехнулась Вэй. – Я же говорила, есть ограничения.

– А что собой представляет интерфейс?

– Назовем это средой взаимодействия, Коэн. В незапамятные времена мы общались с ИИ на равных. Просто разговаривали и отдавали приказы. Сол Динмарк внес изменения в этот алгоритм. Мы имеем возможность перейти в режим голосового общения, но в повседневной жизни пользуемся всплывающими подсказками.

– Чем? – не понял Коэн.

– Подсказками. Я покажу.

Женщина вытянула руку перед собой и сделала неуловимое движение. Словно одернула штору или гардину, висящую на стене. В воздухе развернулись полупрозрачные подсвеченные квадратики с необычными символами внутри. Крестики, линии, изогнутые стрелки...

Легкое прикосновение к одному из квадратиков.

И формирование невесомого полотнища, разбитого на отдельные окна. Почему-то понятие «окна» казалось наиболее правильным в данной ситуации.

– Перед тобой – устаревший голографический интерфейс, – сообщила Вэй. – Его и придется освоить в первую очередь.

Глава 9. Риордан

Небо породило корабль.

Ольгерд кое-что слышал о древних звездолетах, созданных предтечами до открытия Дверей. Машины, защищающие пассажиров от космической пустоты – холодной и безжалостной. Коэн говорил, что тьма, разделяющая миры, убивает. Там нечем дышать, проблемы с *радиацией*, давлением и низкими температурами. Чтобы защититься от враждебной среды, люди научились строить машины, не пропускающие тьму внутрь себя. Вот только космическое пространство безбрежно, расстояния там чудовищны. Корабли *медленные*, их не сравнить по эффективности с мгновенными переходами внутри Дверной Сети. Поэтому Демиурги и отказались от звездолетов несколько тысячелетий назад.

Впрочем, не все отказались.

Магелланцы продолжали летать среди звезд в этих штуковинах.

Ольгерд заворуженно следил за раскладывающейся точкой. Черное пятно скачками увеличивалось в размерах, обрастало деталями, выдвигало из себя многогранные конструкционные элементы. Поначалу всё это происходило беззвучно, затем на руины обрушился металлический лязг, перемешанный с утробным гулом на пределе слышимости. Челюсть мастера ножей свело от вибрации, зубы начали болеть...

Неприятные ощущения схлынули.

Звездолет остался висеть над мелким морем, отбрасывая причудливую тень. Напрашивалась аналогия со скатом, вынырнувшим из пучины и одевшимся в серебристый металл. Сегменты ската в подбрюшье мерцали, окутанные полупрозрачным флером. Гибкие плавники меняли конфигурацию, плавно перекатывались, распластывая машину в схематических небесах.

Тень скользнула к постаменту, на котором сидели люди. Корабль двигался бесшумно, перестав разрастаться. Поле оказывало на машину стабилизирующее действие. Казалось, что громадина легче пушинки, ее может сдуть случайным порывом ветра или смыть пролившимся дождем.

Картер выпрямился.

Приветливо помахал рукой.

Миг – и конструкция переползла на новое место, зависла над каменным архипелагом. Подбрюшье «ската» подернулось рябью, раскрутило на поверхности небольшую спираль и породило *отверстие*. Вниз просыпались серебристые, быстро твердеющие капли.

Ступени.

Ольгерд с опаской взглянул на островки с плоским верхом и закругленной нижней частью. Висящие в воздухе полусферы, не связанные друг с другом абсолютно ничем.

Черная дыра осветилась изнутри.

Лестница начиналась у края постамента и вела в механическую утробу «ската».

– Идем, – сказал Картер.

И начал легко подниматься по воздушным ступеням.

Ольгерд убедил себя в том, что капли ничем не отличаются от его невидимых рун и последовал за Посторонним. Ступени намертво вросли в структуру бытия – они не шатались, не продавливались под весом мастера ножей, не разъезжались в стороны.

Люк оказался на удивление широким.

Добрых шесть локтей в поперечнике.

Когда Ольгерд и Картер поднялись на борт корабля, ступени лестницы втянулись в корпус и залатали дыру.

Мастер ножей осмотрелся.

Комната с ребристым полом, встроенными в свод лампами и аркой, распаивающейся в центральный коридор. Осевая ориентация помещений, как в большинстве браннеров Преддверья.

– Туда, – Картер двинулся к арке.

Ольгерду ничего не оставалось, как последовать за новым знакомым.

Изменчивость внешних очертаний «ската» внутри коридора не чувствовалась. По идее, пол должен ходуном ходить, почище корабельной палубы. Но все линии оставались неизменными, воздушная качка не досаждала.

Снаружи машина выглядела впечатляюще. Сотни локтей размаха в плавниках, столько же – по оси. Толщину конструкции никто не взялся бы определить с идеальной точностью. В центре корпус звездолета расширялся и, вероятно, имел несколько уровней. Теория подтвердилась, когда Ольгерд бросил мимоличный взгляд направо, в один из проемов, и заметил виток спиральной лестницы. С «плавающими» ступенями, как и те, по которым мастер поднялся в корабельный люк.

– Вы же не пользовались звездолетами, – вырвалось у Ольгерда. – Раньше в лимб вас водили жнецы, разве нет?

Картер остановился у проема шахты по левому борту.

– Новые технологии. Со жнецами мы больше не работаем.

Они свернули в ответвление и поднялись на две палубы вверх.

– На Земле... – начал Ольгерд.

– Это последняя совместная операция, – отрезал Картер. Казалось, Посторонний не горел желанием обсуждать разрушающийся альянс. – Наши пути расходятся.

Ольгерд решил узнать подробности позже. Жнецы представляли собой серьезную угрозу, и разлад между ними и Посторонними радовал. Вот только... что стояло за подобным решением магелланцев? Не намечалось ли новое противостояние, которое в перспективе захватит и Дверную Сеть? Жнецы перемещаются по космосу нестандартным способом, редактируя и перекраивая многомерную ткань пространства-времени. Твари с легкостью обходят блокаду Демиургов, игнорируют дверные законы и ограничения. Никогда не знаешь, что у них на уме.

Третья палуба встретила пассажиров матовым сиянием стеновых панелей и двумя рядами дверей, которые, судя по всему, вели в обитаемые помещения.

– Это жилой блок, – Картер подтвердил мысли Ольгерда. – Вот твоя каюта. До встречи на Риордане.

Одна из дверей растворилась, открывая доступ в каюту. Похоже, здесь магия на каждом шагу, решил Ольгерд. Точнее – технологии, о которых жители Преддверья не смели и мечтать.

– Экипаж знает, кто я? – уточнил мастер.

Картер уже собирался уходить.

– Не волнуйся. Мы рассматривали сценарий переброски Хозяина Дверей на Риордан. Капитан корабля не удивился.

– Ты что, мысленно с ним общаешься?

– Да.

Что ж, чего-то подобного следовало ожидать.

Магелланец направился в кормовую часть жилого блока. Ольгерд, помедлив, переступил порог своей каюты.

Проем затянулся серебристой пленкой.

И сделался серым, слившись с плоскостью стены.

Ольгерд стоял на краю достаточно просторной комнаты с минимальным набором мебели. Приземистый угловой диван, по виду – из черной кожи. Журнальный столик – деревянный, с причудливо изогнутой ножкой. И одностворчатый платяной шкаф. Тоже деревянный. На

полу обнаружилась бурая медвежья шкура. Все эти детали выглядели архаикой на борту судна, умеющего странствовать среди звезд. Неужели подстраиваются под отсталого варвара?

Внимание Ольгерда привлек овальный иллюминатор, за которым простиралась панорама лимба. Уже знакомые развалины, мелкое море с просвечивающим сквозь водную толщу дном и ползущие по небу облака.

Мастер приблизился к иллюминатору, мягко ступая по медвежьей шкуре. Серый балахон успел высохнуть, ботинки Ольгерд тоже просушил. Остальная одежда липла к телу и доставляла массу неприятных ощущений. С подошв осыпался песок. Мелькнула мысль о душе и хорошо прогретом камине... А тут – путешествие на звездолете, которое может отнять недели и месяцы субъективного времени.

В этот момент картинка за окном сменилась.

Море исчезло, вместо него вычертилась колышущаяся на ветру степь. Смутно знакомая, вызывающая кучу неприятных воспоминаний. Домов и вросших в землю развалин Ольгерд не увидел. Просто трава. До самого горизонта.

Незримая ладонь вновь смахнула изображение.

Краткое мгновение тьмы.

И – черная панорама. То ли город, то ли потоки святящихся в ночи тварей. Огни, слитые в речные стремнины, которые пересекались под прямыми углами и создавали некое подобие трехмерной решетки. Сквозь ячейки этой решетки проглядывали далекие искорки звезд.

Ольгерд перестал улавливать смысл происходящего.

Иллюминатор отображал реальную картину перемещений звездолета? Или демонстрировал набор записей, созданных для развлечения пассажира?

Шелест.

Мастер обернулся. Как раз вовремя, чтобы увидеть испарившийся сегмент переборки.

Дверной проем снова был открыт.

Ольгерд быстрыми шагами пересек комнату, вышел в коридор и столкнулся с Картером.

– Прибыли, – сообщил магелланец.

– Что? – Ольгерд не поверил услышанному.

– Мы на месте, – спокойно пояснил собеседник. – Добро пожаловать на Риордан, Ольгерд из Ламморы.

Позже выяснится, что Посторонние открыли быстрый способ перемещения по Галактике, двигаясь внутри лимба. Эту реальность пришельцы называли *подпространством*, а вождение кораблей именовали *пилотированием*. Поле, окутывающее «скат», искажало *метрику континуума*, внедряя машину в сложную многомерную ткань.

Слова.

Непонятные термины, выходящие за грани всего, что мастер знал в прошлой жизни.

Ольгерд видел, что наука Посторонних неотличима от волшебства в понимании жителей Преддверья. Даже Предельные Чертоги казались архаичным, отсталым мирком в сравнении с Риорданом. Остается лишь гадать, насколько далеко шагнули в развитии нынешние Демиурги...

Звездолет распахнул люк в мир Посторонних.

– Жить будешь у меня, – сказал Картер, спускаясь по ступенькам. – Я получил разрешение от Консультантов.

– Это еще кто такие? – нахмурился Ольгерд.

Посторонний был одет в мантию снов, расстегнутую на груди и неотличимую от обычного комбинезона – из тех, что носили рабочие Стимбурга.

– Ближайшая аналогия – правительство, – пояснил Картер. – Но мы им не подчиняемся. Просто выполняем рекомендации.

– Ты говорил о разрешении, – напомнил Ольгерд. – Запрещают и разрешают властители.

– Верно, – кивнул магелланец. – Но я, к примеру, имею полное право отказаться от *консультации*. Пойти собственным путем. Закон не возбраняет.

Ольгерд всмотрелся в окружающий мрак.

Точнее – в обширную территорию, многократно превосходящую размерами самые большие площади Трордора. Небо над головой мастера было очень странным. Казалось, неведомый великан расплескал бочку голубого крондатского вина, которое вспучилось полупрозрачными разводами и заполнило собой почти две трети небосклона. Звезды тонули в этом сиянии, похожем на взрыв газового баллона дзуарского дирижабля. В просветах клубилась багровая муть, похожая на огненные шары боевых магов. Неправильные шары. Искаженные и перекрученные, завернутые в спирали и невообразимые, запредельные для понимания фигуры. Луны отсутствовали напрочь – глаза Ольгерда тщетно пытались отыскать в этих разноцветных тучах хотя бы один тоненький серп. А внизу, под диким великолепием туманности Тарантул, простиралось каменное поле, разделенное на квадраты и подсвеченное посадочными огнями.

Всюду кипела жизнь.

Распускались металлические цветы звездолетов, ездили какие-то машины, сновали туда-сюда человеческие фигурки. Корабли отличались типами, размерами, конфигурацией обшивки и даже оттенками силовых полей, мерцающих всеми цветами радуги.

Вдалеке, у самого горизонта, виднелось куполообразное здание, усеянное огнями и оцетинившееся лесом непонятных крестообразных надстроек. Еще дальше мастер увидел световые потоки, формирующие ту самую решетку, которая наблюдалась в иллюминаторе при посадке.

В каменном покрытии под ногами загорелось молочно-белое окно.

– Нам туда, – Картер потянул мастера за рукав.

Прибывшие переступили световую границу, и перед глазами Ольгерда возникли цифры обратного отсчета.

– Что это?

– Фильтр, – последовал ответ магелланца. – Обнаруживает вредоносные вирусы и заболевания, подхваченные вне Риордана. Сканирует на предмет запрещенных технологий и оружия массового поражения.

Общий смысл был мастеру понятен, но детали вскрывали всю бездну его отсталости.

«Сканирует» – исследует?

И что такое оружие массового поражения?

Наверное, будь Ольгерд магом-стихийником, эти понятия обрели бы некую логику.

Краем глаза Ольгерд видел силуэты Посторонних, начавших покидать звездолет. Люди расходились по периметру прямоугольной зоны, замирали в границах фильтров и терпеливо ждали конца сканирования.

Цифры оказались родными, терранскими.

Поверхность фильтра обрела зеленый окрас.

– Мы свободны, – сказал Картер.

– И куда теперь?

– К терминалу.

Ольгерд последовал за магелланцем. Картер направлялся в сторону приземистой черепахообразной машины, подъехавшей к звездолету со стороны купольного здания. Туда же топали остальные члены экипажа. Некоторые с интересом косились на мастера. Ольгерд впервые видел столько Посторонних одновременно и с непривычки это нервировало. Впрочем, магелланцы не носили мантии снов и внешне ничем не отличались от обычных людей.

К машине подтягивались пассажиры трех звездолетов, совершивших посадку в радиусе шестиста локтей. Ну, или трехсот метров. Надо привыкать к метрической системе, доставшейся в наследство от предтеч.

Вблизи машина оказалась колесным экипажем, смахивающим на паромобили Стимбурга. Диски и шины выглядели впечатляюще, достигая половины человеческого роста. Две раздвижных двери открывали доступ к ступенькам, ведущим в салон.

– Это автобус, – пояснил Картер. – Просто очень большой. Для передвижения по космопорту.

Еще одно новое слово.

Космопорт.

Автобус действительно был очень большим. И вместительным. Когда Ольгерд вслед за Картером поднялся на пассажирскую платформу, то увидел просторный салон с двумя рядами мягких кресел и узким проходом посередине. В задней части автобуса находился трап, ведущий на второй этаж. Именно туда Картер и повел своего спутника.

Салон стремительно заполнялся людьми.

Многие тихо разговаривали, смеялись, делились впечатлениями. Ольгерд отлично понимал речь магелланцев – они общались на староземном языке. Истинном тер, как сказали бы Знающие-на-Перекрестках. С легким акцентом, разумеется. Иногда речевые обороты строились неправильно с точки зрения Ольгерда, а в отдельных словах делались неестественные ударения. Но к этому можно привыкнуть. Естественно, на протяжении тысячелетий любой язык поменяется. Даже тот, на котором разговаривает большая часть людского космоса.

На втором этаже столпотворения не наблюдалось. Ольгерд насчитал человек десять пассажиров, рассеявшихся преимущественно возле окон. Ряды состояли из двух сидений.

– Располагайся, – бросил через плечо Картер.

Они заняли соседние кресла.

Салон освещался тусклыми потолочными лампами. Всюду царил полумрак. Многие пассажиры дремали, изменив угол наклона своего кресла. Ночь всё-таки, подумал Ольгерд.

Через несколько земных минут автобус тронулся с места. Плавно развернулся, набрал скорость и покати́л в сторону далекого купола.

– Что дальше? – поинтересовался Ольгерд.

– Поживешь у меня, – задумчиво произнес Картер, откинувшись в кресле. – Освоишься. Поговоришь кое с кем.

Ольгерд насторожился.

– С кем?

Картер закрыл глаза.

Мимо проносились линии посадочных огней, массивные туши звездолетов и другие автобусы.

– Тобой интересуется Консультант. Один из многих. Насколько я понимаю, речь идет об инструментах прямого доступа к *силовым преобразователям*.

– Говори понятнее.

– Руны, – пояснил Картер. – Если ты не в курсе, руны разработаны несколько тысячелетий назад женщиной, которую вы называете Завеей.

Мастер ножей вздрогнул.

– Так вот, руны, как и другие магические системы Преддверья, в сущности, являются инструментами. Ты получаешь доступ к преобразователям, вносящим изменения в реальность. Энергия преобразуется в предметы и явления. Меняются свойства материи. Чтобы это работало нужно *очень* много энергии.

– Это понятно, – кивнул Ольгерд. – Мы получаем энергию из Дверной Сети. Я знаю историю. Но за пределами Сети магия ведь не работает, верно?

– Забудь про магию, – не выдержал Посторонний. – Мы говорим о древних технологиях. У нас тоже есть преобразователи. И есть мощные источники энергии. Вот только прямое вме-

шательство в законы природы доступно не на каждом углу. В редких местах. Назовем их точками силы.

– У вас нет рун, – догадался Ольгерд.

– Мы управляем силовыми структурами, – заверил магелланец, – но процесс подключения и оперирования покажется тебе... слишком сложным.

Мастер ножей обдумал услышанное.

И заявил:

– Я буду сотрудничать. Но попрошу кое-что взамен.

– Проси, – Картер равнодушно пожал плечами.

– Обучение за обучение, – голос мастера сделался твердым. – Меня интересует история вашего мира. Я хочу знать правду о жнецах и рунах. Хочу отыскать путь домой.

– Думаю, Консультант согласится, – магелланец зевнул. Только сейчас Ольгерд понял, насколько они оба устали. – Не забывай, что консультирование входит в его функции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.